

Андрей Львович Ливадный
Грань реальности
Серия «Экспансия: История Галактики», книга 37

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119417

Аннотация

Попытка расы Харамминов разобщить человечество, привела к реанимации древнейшей сверхмашины Логриан – так называемого «Логриса». Вместе с пробуждением древних технологий для людей открылась перспектива виртуального бессмертия. Однако никто не мог с уверенностью сказать чем обернется «жизнь после смерти». Ответ на этот вопрос смог дать Кристофер Раули – первый человек, сумевший вернуться из Логриса.

Содержание

Пролог.	4
Часть I.	9
Глава 1.	9
Глава 2.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Ливадный

ГРАНЬ РЕАЛЬНОСТИ

Пролог.

Планета Гефест. Одна из обезлюдивших промышленных колоний сектора Окраины...

Место, забытое богом и уже проклятое людьми.

Фрагмент изуродованной реальности с куцей историей... частность, маленький эпизод колониальной поступи человечества, настолько ничтожный, что о нем мало кто знал вне круга заинтересованных лиц.

А заинтересованных в данный момент было всего двое: тучный, обезображенный неизлечимым недугом старик и молодой человек лет двадцати пяти, нагловатый, уверенный в себе и оттого – спокойный.

– Господин Раули, думаю, что торг здесь неуместен, – произнес молодой, продолжая начатый разговор. – Вы сильно преувеличили, назвав этот плевок всевышнего громким термином «колония».

– Миллионы квадратных километров освоенных территорий – это, по-вашему, чей-то плевок? – раздраженно переспросил старик, разглядывающий пустынные пейзажи, простирающиеся за панорамным окном офиса.

– А где люди? Куда подевалось население?

Раули пожал плечами:

– Людей тут, как видите, нет, господин Столетов. Последняя крыса бежала с тонущего корабля пятьдесят лет назад, когда все нефтяные скважины иссякли.

– В таком случае, что вы намерены мне предложить?

– Пространство. Огромное пространство, законсервированные климатические станции, массу органики, которая покрывает дно этой котловины. Инфраструктуру дорог, накопец. Завезите сюда людей, восстановите контроль локальной климатической зоны, и все вернется на круги своя. Недавно здесь обнаружены месторождения металлов, а если отправить поисковые партии дальше, за пределы горных хребтов, то на вулканических равнинах...

– Тем не менее платить подобную цену за пустые земли, отравленную атмосферу и ржавую технику я не собираюсь, – грубо оборвал его монолог Столетов.

Кристофер Раули мысленно усмехнулся.

Малыш просто не знал, с кем имеет дело.

Посмотрев на безобразно потолстевшего старика, действительно трудно было представить, что он тоже был когда-то таким: молодым, уверенным в себе, энергичным и поклоняющимся одному богу – силе.

Теперь все круто изменилось. Прожитая жизнь незримо стояла за спиной, она обезобразила не только тело, но и душу.

– А я больше не могу играть со своей судьбой, – негромко произнес старик, не оборачиваясь, по-прежнему глядя сквозь огромное окно на желто-серую поверхность Гефеста. – Я неизлечимо болен, и мне нужен Логр. Вы привезли его с собой?

– Да, – раздался за спиной Раули лаконичный ответ.

«Ну вот, малыш, значит, сделка состоится, – подумал Крис. – Стал бы ты выполнять предварительные условия, раздобывать Логр и тащиться с ним за столько световых лет, не

собираясь покупать недвижимость и предварительно не посмотрев данных по предлагаемому в обмен миру...»

Логика Раули была безупречна, и потому он спокойно смотрел на серые скалы и желтый песок, пятнами проступающий среди пожухлой травы, которой заросли давно заброшенные сельскохозяйственные угодья.

Раньше, до прихода людей, здесь плескалось первобытное море.

Теперь же, по прошествии полутора веков с момента колонизации, от него остались лишь два солончаковых озера с непригодной для питья водой.

Кристофер смотрел на обезвоженный ландшафт, напоминающий творение художника-сюрреалиста, и не испытывал при этом никаких угрызений совести ни перед природой, ни перед людьми. Он прожил слишком долгую, насыщенную событиями жизнь, чтобы предаваться сейчас глупым, нерациональным чувствам.

Собственно говоря, лично он не имел прямого отношения к тем драматическим изменениям, которые претерпел данный участок планеты под прессингом колонизации.

Полтора столетия назад его прадед купил эти земли на диком и негостеприимном планетоиде, входящем в состав только что открытых миров Окраины, где в отличие от благопристойных, цивилизованных планет Конфедерации Солнц правили законы корпоративных интересов и коммерческой выгоды.

Экипаж разведывательного корабля, обнаруживший этот мир, после стандартного набора исследований не стал мудрствовать относительно названия.

Гефест. Это имя, заимствованное из мифологии древней Земли, наиболее точно отражало сущность вновь открытого мира, который, подобно кузнице мифического персонажа, был озарен красноватым сиянием множества действующих вулканов. Его атмосфера, полная пепла и ядовитых испарений, не годилась для дыхания, материка лежали неровными пластами окаменевшей лавы, и только в одном месте исследователи обнаружили жизнь.

Посреди молодых (в геологическом понимании) горных хребтов лежало море.

Циклопическая котловина, расположенная на высоте семисот метров относительно лавовых равнин, была заполнена солоноватой, теплой водой, в которой на протяжении нескольких миллионов лет процветала примитивная органика.

Удивительный природный казус: вода и микроскопическая жизнь в окружении мертвых гор и горячих, огнедышащих равнин. Примитивные микроорганизмы безудержно плодились в мутных водах и так же быстро умирали, исполнив свой немудреный жизненный цикл. Их микроскопические тела, незримые и невесомые на первый взгляд, опускались на дно и отлагались на базальтовом ложе котловины миллионами тонн органических наслоений.

Часть из них, вместе с водами теплого моря, просачивалась глубже, сквозь трещины скального основания, заполняя скрытые каверны планетной коры, где из органических отложений под действием давления и высокой температуры недр на протяжении миллионов лет образовывалась нефть.

Уникальный мир контрастов, идеальная природная лаборатория для ученых, занимающихся планетной эволюцией, оказался востребован вовсе не в научных целях.

Колониальная администрация, базирующаяся на далеком Аллоре, была в тот период еще слишком слаба, чтобы оказывать сколь-либо заметное влияние на процессы освоения новых планет.

Резиденция, выстроенная прадедом Раули, располагалась на обширном горном плато, некогда царившем над безбрежными водами чуждого человеку моря. Это был остров, плоский и неприветливый, с обрывистыми скалистыми берегами, которые постоянно облизывал мутный, пенный прибой. В глубинах моря таилась не познанная экзобиологами примитивная жизнь, но она мало волновала владельца новоиспеченной колонии. Он приобрел этот

участок чуждого мира исключительно из экономических соображений и не собирался проводить тут научные эксперименты. Прадеда интересовали нефть и способы ее эффективной добычи.

Первый корабль, совершивший посадку на остров, доставил на своем борту специалистов по горно-проходческим и взрывным работам. Горные инженеры произвели разведку и достаточно быстро нашли тонкое место в обрамляющих водные просторы скальных массивах. Там излишек морских вод низвергался вниз чередой великолепных горячих водопадов, память о которых осталась теперь лишь на электронных снимках, сделанных в ту далекую пору. Взрывотехники превратили ограниченный сток в глубокое ущелье, через которое морские воды с ревом устремились вниз, низвергаясь на бесплодные, раскаленные внутренним жаром вулканические равнины.

Кристофер не мог осуждать прадеда, который варварски осушил море, оставив в котловине лишь минимум воды, необходимый для поддержания микроклимата. Наверное, на его месте он сам поступил бы так же. Море ушло, обнажив огромные пространства, покрытые многометровым слоем органических отложений. В тех местах, где морские глубины превышали двухсотметровую отметку, осталось два мутных заиленных озера, существующих и по сей день.

Обнажившееся дно, покрытое мощным слоем органических отложений, быстро высохло, превратившись из топкой грязи, над которой курилось морево зловонных испарений, в безобразные, сетчатые от трещин просторы, куда спустя полгода после посадки космического корабля выползли первые автоматические почвоукладчики.

Оставшаяся на месте морских просторов котловина, окруженная со всех сторон горными хребтами, была быстро и бесхитростно адаптирована к нуждам человека – все чуждое унес мутный поток безвозвратно изринутых вод, а почвоукладчики и автоматические станции контроля климата завершили процесс, превратив обнажившееся морское ложе в пригодные для строительства и земледелия пространства.

На добрую сотню лет в котловине воцарился мягкий микроклимат. Над ней незримо возвышался купол электромагнитной защиты, под которым клубились облака; спокойные, предсказуемые ветра гнали их по замкнутому кругу вдоль периметра горных хребтов, периодические дожди орошали сельскохозяйственные угодья, а буровые вышки, щедро разбросанные по природным месторождениям нефти, гнали неиссякаемый поток «черного золота» к двум перерабатывающим комплексам.

При жизни прадеда тут буйно расцвела жизнь, но в любом мире, как известно, за все нужно платить, и период процветания, основанный на бездумной эксплуатации недр, тоже не мог длиться вечно.

Формально Кристофер Раули вступил в права наследства десять лет назад, когда микроклимат котловины уже давно и необратимо нарушился. Два озера, оставшиеся на месте морских глубин, быстро пересыхали, а их вода, перенасыщенная соляными растворами, не годилась даже для промышленного употребления. Нефтяные скважины за полтора столетия эксплуатации исчерпали ресурс недр. Запасы нефти оказались не столь велики, как прогнозировали данные разведки, и поэтому дела в колонии шли неважно уже полвека назад, когда молодой Кристофер покидал отчий дом. Теперь его взгляду предстала совсем не та картина, которая врезалась в память ребенка: город, разросшийся на дне котловины, давно разрушился и опустел, электромагнитное поле больше не отгораживало атмосферу покинутой колонии от агрессивной воздушной среды Гефеста, а вся техника, брошенная тут, постепенно превращалась в груды металла, годного разве что для переплавки.

Отец Кристофера, Вениамин Раули, прежде чем передать бразды правления в руки старшего из наследников, успел сделать несколько шагов в сторону спасения единственного поселения планеты: он установил дополнительные станции климатического контроля,

построил завод для химической очистки воды и попытался полностью компьютеризировать остатки нефтедобывающей отрасли, вбив бешеные деньги в приобретение для небольшой колонии собственной станции гиперсферной связи, соединив, таким образом, поселение Гефеста с общечеловеческой сетью Интерстар.

Последний шаг отца не казался Кристоферу разумным – зачем вымирающему поселению была нужна внепространственная связь на гиперсферных частотах, когда тут вскоре не осталось ни единой живой души?

...Он обернулся и посмотрел на молодого человека.

– Вы согласились на предварительные условия сделки, – произнес Кристофер. – Можете пояснить, что же вас смущает, господин Столетов?

Тот глотнул коньяку, предложенного хозяином, и кивнул, ставя бокал назад на низкий, покрытый слоем пыли стол.

– Проблема в станции ГЧ. Она не функционирует.

– Какого фрайга? При чем здесь ретранслятор гиперсферных частот? Речь шла о колонии – куске земли на поверхности планеты! – не скрывая раздражения, напомнил Раули.

– Да, но в документах указано, что для продажи выставлена «колония со всем эксплуатационным оборудованием», – процитировал Столетов. – Станция ГЧ фигурирует в списке приложения, – резонно напомнил он.

– Она не работает уже несколько десятилетий, – пробурчал в ответ Кристофер. – На ее содержание нет денег.

– То есть ее оборудование исправно? – уточнил Столетов. – Это можно проверить?

– Теоретически, – ответил Раули, начиная понимать, что молодого человека интересует отнюдь не сама колония. «Что ж, станция ГЧ в денежном эквиваленте, наверное, сопоставима с одним супермощным, но чрезвычайно компактным компьютером расы Логриан», – мысленно рассудил он.

– Это будет справедливая сделка, – озвучил Кристофер промелькнувшую в голове мысль, нарушая логику их разговора.

– В смысле? – переспросил Столетов, сразу же насторожившись.

– В смысле обоюдного риска, – позволил себе усмехнуться Крис. – Я не могу проверить справедливость утверждений, что Логр является устройством, гарантирующим жизнь после смерти, а вы, в свою очередь, сможете протестировать сервер сети Интерстар только после реактивации основных комплексов станции ГЧ. По-моему, я рискую больше, чем вы, Денис Андреевич.

Столетов посмотрел на него так, что у Раули вдруг возникло ощущение легкого озноба, прокрававшегося вдоль позвоночника. Мальчик, судя по взгляду, был еще тот, даром, что Кристофер почувствовал в нем мертвую хватку молодого волка, только вступающего в пору своей зрелости, еще при первом, заочном знакомстве посредством сетевой видеосвязи.

– Я не нахожу это забавным, – произнес гость, откидываясь на спинку кресла.

– Я тоже. – Улыбка, за которой Раули машинально спрятал неприятно промелькнувшее чувство, стерлась с его обрюзгшего лица. – Нужно было четко обозначать свои истинные интересы, тогда недоразумений бы не возникло, – тоже оскалился он. – Мои дни сочтены, и у меня нет времени на торг. Отдавать себе отчет в том, что умираешь, – вещь малоприятная, можете поверить.

– Хочется жить? – иронично поинтересовался Столетов.

– Нет. – Раули нисколько не задел цинизм собеседника, – он сам был таким, пока старость не стерла его железного самоконтроля. – Хочется умереть, – лаконично ответил он. – Устал.

Они встретились взглядами и несколько секунд испытующе смотрели друг на друга.

Столетов не выдержал первым. Неизвестно, что он разглядел в мутноватых, заплывших под припухшими веками глазах неизлечимо больного старика, но его рука потянулась к внутреннему карману.

– Ладно. – Он вытащил непрозрачную коробочку, какие обычно употребляют для упаковки ювелирных изделий, и поставил ее на стол. Легкое нажатие, и крышечка откинулась, обнажив утопленный в бархатную подкладку невзрачный, черный как смоль кристалл.

– Это и есть Логр?

– Да.

– Как я смогу им воспользоваться?

Столетов вытащил еще одну коробочку.

– Это адаптер, – пояснил он. – Вставляете в него Логр, и он становится совместим по размерам со стандартным гнездом кристаллопривода любого серийного компьютерного терминала.

– Затем?

– Затем остается вставить шунт нейросенсорного соединения в свой имплант – Столетов выразительно коснулся мягкой заглушки за своим правым ухом – и посидеть, расслабившись, минут пятнадцать... для верности можно полчаса. Вот и все.

– Так просто?

– Да.

– А что потом? – Раули заранее изучил процедуру, но привычка подстраховываться, производить, так сказать, контрольный выстрел при любых обстоятельствах не покидала его даже в эти дни, когда близкое, отвратительное дыхание смерти уже осенило его тело и разум.

– Транспортировка кристалла к миллиардам ему подобных, то есть в Логрис, – это уже ваша головная боль, – прямо ответил ему Столетов. – Можете нанять человека, можете воспользоваться услугами проверенных фирм, занимающихся межзвездной перевозкой такого рода.

– Разве доступ к Логрису так прост? – перебил его Раули.

Столетов неприязненно посмотрел на него.

– Не морочьте мне голову, – резко ответил он. – Думаю, вы не из тех, кто играет вслепую, особенно когда ставки задраны на уровень жизни и смерти. У вас уже есть канал доставки, или я не прав?

Кристофер позволил себе усмехнуться.

– Да, – кивнул он.

– Тогда не станем тратить время. Забирайте кристалл и подписывайте бумаги.

Часть I. ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Глава 1.

Планета Элио. Здание штаб-квартиры Конфедерации Солнц. Кабинет начальника отдела внешней разведки...

– Молодец, Денис. Чисто провел операцию.

Столетов молча выслушал похвалу, подумав при этом, что сработать было нетрудно, старик действительно умирал, и его стремление любой ценой получить в свои руки артефакт древней расы до неприличия упрощало задание.

Полковник Грин посмотрел на подчиненного.

– Капитан, нам предстоит длительная командировка, – произнес он.

– Что-то серьезное? – Глаза Дениса оставались спокойными и бесцветными. Грин хорошо знал Столетова и понимал, что капитан сейчас напряженно ждет, даже не пытаясь угадать, в какую мясорубку кинут его на сей раз. Служба в отделе внешней разведки предполагала самый широкий спектр неожиданно возникающих проблем.

– Не напрягайся. – Грин сцепил пальцы рук в замок, вспоминая свой недавний разговор с непосредственным начальством, и вдруг понял, что последняя фраза, оброненная перед капитаном, пахла ложью самоуспокоения.

На самом деле предстоящее задание обещало гораздо больше трудностей, чем любая иная спецоперация...

* * *

Историческая справка

Три миллиона лет назад, когда люди на Земле еще пребывали в святом неведении первобытного разума, в спиральном рукаве Галактики существовали четыре разумные расы, соседствующие друг с другом и успешно осваивающие космическое пространство.

По мере продвижения человечества в глубокий космос первыми были открыты и изучены артефакты расы ластоногих существ, обитавших в водной среде и потому получивших название «дельфоны». Затем были обнаружены древние постройки и остаточные поселения инсектов, за ними последовало открытие расы логриан – загадочных двухголовых ксеноморфов, и, наконец, последними, с кем столкнулись люди на пути своей экспансии в глубь спирального рукава Галактики, оказались голубокожие хараммины – наиболее близкий нам по строению, гуманоидный вид разумных существ.

Однако, рассматривая события древнейшей истории, нужно заметить, что, кроме упомянутых рас, на огромной мизансцене миллионнолетней давности присутствовала еще одна сила, не наделенная таким качеством, как разум.

Это были предтечи – космическая форма примитивной жизни, – которые однажды появились из глубин туманности Ориона и начали свою опустошительную миграцию в направлении галактического центра.

Эта миграция сыграла катастрофическую роль в судьбе древних рас, а ее отголоски спустя три миллиона лет коснулись и человечества, хотя сами орды амебоподобных созданий давно исчезли, канули в Лету.

Доподлинно известно несколько основополагающих факторов масштабной трагедии, разыгравшейся три миллиона лет назад в объеме пространства, который известен сегодня под названием «Рукав Пустоты».

Предтечи, чья истинная сущность до сих пор вызывает споры и разногласия, вели себя как неразумное, всепожирающее сонмище мигрирующих животных. Каждая отдельно взятая особь представляла собой аморфную массу, заключенную в кокон электромагнитного поля, и казалась неопасной, но в совокупности они составляли страшную, всепожирающую силу, с которой нельзя договориться и которую невозможно остановить. Предтеч насчитывались миллиарды, они медленно перемещались от одной звездной системы к другой, питаясь любым доступным веществом, начиная от межзвездной газопылевой смеси и заканчивая непосредственно небесными телами, такими, как метеоры, астероиды, луны и планеты.

Путь их миграции пролегал через космическое пространство, освоенное инсектами, логрианами и дельфонами. Скопление звезд, в котором непосредственно развивалась цивилизация харамминов, лежало в стороне от губительного курса предтеч.

Трудно описать истинные масштабы трагедии, разыгравшейся три миллиона лет назад и длившейся не одно тысячелетие. Три древние расы, планеты которых оказались на пути неразумных орд, по-разному отреагировали на неминуемо надвигающуюся угрозу. Инсекты и логриане предпочли сняться с места и мигрировать, дельфоны сделать этого не смогли: средой обитания ластоногих существ являлся океан, и в их распоряжении не оказалось миров, полностью или частично покрытых водой, куда можно было отступить или же вторгнуться под неумолимым прессингом медленно перемещающихся в пространстве орд амeboподобных созданий, сеющих опустошение и смерть.

В этих условиях дельфонам не оставалось ничего иного, как вступить в борьбу с ними. Пытаясь сбить мигрирующие сонмища с губительного курса, они взрывали звезды, пережигая в этих катастрофических вспышках миллиарды предтеч, но те безудержно размножались, восполняя потери, и продолжали свою опустошительную, неторопливую миграцию.

Цивилизация дельфонов исчезла, а на месте взорванных ими звезд образовался печально известный Рукав Пустоты – полоса чернильного мрака, протянувшаяся на сотни световых лет, где до сих пор блуждают сорванные со своих орбит, опаленные неистовым огнем планетоиды – осиротевшие скитальцы, пережившие гибель своих солнц...

Цивилизация дельфонов не смогла остановить губительную миграцию примитивных космических существ, но как в таком случае сложилась судьба инсектов и логриан, которые не принимали участия в титанической борьбе?

На сегодняшний день известно, что ни одна из рас древности не изобрела гиперпривод, по крайней мере в таком виде, как его создали люди, потому космические корабли логриан и инсектов были ограничены в скорости перемещения и радиусе возможного полета. Впереди уже гибли планеты дельфонов, и в сложившейся ситуации ближайшим убежищем для беглецов могло послужить только скопление звезд, освоенное харамминами.

Цивилизация голубокожих гуманоидов к тому моменту плотно заселяла пригодные для жизни системы скопления, но тем не менее три миллиона лет назад хараммины повели себя мудро: избегая полномасштабной войны, они приняли в границы освоенного ими пространства две беглые расы – инсектов и логриан, на неравных правах, разумеется. Их цивилизация впитала все лучшее, что смогли дать им беглые народы, – в частности, от инсектов они получили технологию постройки Сферы Дайсона, а от логриан – их сверхмощные компьютеры, заключенные в оболочку уместающегося на ладони кристалла.

Такой кристалл носил название «Логр».

Раса двухголовых ксеноморфов разработала их, изучая проблему бессмертия личности.

Миллионы подобных кристаллов, соединенные вместе, образовывали так называемый Логрис – древний аналог современной межзвездной сети Интерстар. Логрис отличался от человеческого единения сетевых машин прежде всего тем, что объединял не удаленные миры, а усопшие личности.

Это была виртуальная Вселенная, куда уходил разум каждого почившего в бозе логрианина. Первым и безусловным правилом Логриса, которое двухголовые ксеноморфы вывели на основе собственного горького опыта, являлся постулат о необратимости смерти. Ни одна личность не могла быть возвращена из Логриса в мир реальный. Реинкарнация на биологический носитель исключалась, но данный запрет носил исключительно моральную окраску и не имел ничего общего с технической стороной вопроса.

Тем временем миграция предтеч продолжалась, их вихрь медленно перемещался вдоль границ шарового скопления звезд, и реальная опасность вторжения побудила харамминов к действиям.

Пользуясь техническими достижениями логриан, они решились на адекватный угрозе шаг: скрыть раздражающий свет звезд, ориентируясь на который двигались предтечи, спрятать родные светила за непроницаемой вуалью гравитационного искривления метрики пространства, для чего по периферии скопления были установлены искусственные источники тяготения. Удаленные от пограничных солнц, они заставляли световые волны плавно поворачивать, пока те не искривлялись настолько, что начинали скользить по границам незримой сферы.

Со стороны казалось, что в данном месте зияет чудовищный провал пустоты, дополняющий собой печально известный Рукав, где действительно отсутствовали звезды...

...Минуло три миллиона лет.

На Земле прошли исторические эпохи, человечество вышло в околопланетное пространство, а затем и в глубокий космос, не подозревая, что на его пути, в скрытом вуалью забвения скоплении звезд, варятся в собственном соку три древние расы, давно утратившие реальное представление об истинной структуре Вселенной.

Хараммины, перенявшие у двухголовых ксеноморфов технологию Логра, но презревшие его основной этический принцип, превратились за это время в горстку правящих Бессмертных – так называемую Квоту.

Раз за разом возрождаясь в клонированных телах, их души за три миллиона лет прошли собственную эволюцию, которая в конечном итоге сделала их обладателей равнодушными, циничными, презирующими всех и вся...

Когда в границах скопления появился первый человеческий корабль, случайно проравший Вуаль искривленной метрики, для анклава харамминов, измельчавшего к тому времени до размеров небольшого планетного поселения, факт «вторжения» новой расы явился настоящим шоком.

Уничтожив пришельцев, они впервые за прошедшую бездну лет обратили свой взгляд за пределы подконтрольного им скопления звезд и... ужаснулись.

У их «порога» бился временно остановленный Рукавом Пустоты неукротимый прибой человеческой экспансии.

Они увидели существ молодых, энергичных, чьи технологии внушали невольный трепет: гиперпривод позволял космическим кораблям новой цивилизации преодолевать сотни световых лет, разделяющих их колонии; машины людей видоизменяли биосферы планет, подгоняя их под эталон далекой прародины, боевая техника ужасала своей потенциальной мощностью... В новой цивилизации хараммины увидели себя, как в зеркале... Они действительно были похожи на людей и могли бы пройти подобный путь развития, не закупорясь их предки в свое время в границах шарового скопления звезд...

Для Квоты Бессмертных внезапно возродился призрак их судного дня. Растеряв в миллионнолетней стагнации большинство технологий, утратив саму идею экспансии, они поняли, что будут бессильны противостоять людям, как только произойдет широкомасштабный прорыв Вуали.

Они не строили иллюзий – для этого разум харамминов был слишком стар, опытен и циничен. Наблюдая за людьми, они все отчетливее понимали, что их никто не станет ни завоевывать, ни терпеть. Люди рано или поздно пройдут сквозь гравитационное искривление, но не с целью завоевания... нет, просто развивая собственную экспансию, продолжая поступательное движение вперед, временно остановившееся у черного провала мнимой пустоты. И данного факта будет достаточно для кончины Квоты как таковой. Миры инсектов и логриан, изнывающие под бременем перенаселения и уже фактически неподконтрольные своим прежним хозяевам, тут же «взорвутся»...

Единственной возможностью сохранить статус-кво, по логике харамминов, было нанесение превентивного удара по человечеству, который отшвырнул бы молодую цивилизацию назад, столкнув ее на путь регресса.

Но как осуществить подобную акцию, не имея ни армии, ни сопоставимых по мощи технологий, ни космического флота?

Это был трудный вопрос, однако Бессмертные из числа Квоты не зря кичились своим титулом. Хотя их и насчитывалось всего несколько тысяч, но за плечами каждого лежал опыт миллионов лет существования. Они умели ждать, в очередной раз уповая на вечность, как на своего верного союзника... и не напрасно.

Наблюдая за сложной политической и экономической борьбой колонизированных людьми миров, хараммины быстро заметили разобщенность отдельных планет, нашли в этом слабинку и, развивая мысль о превентивном ударе, обратили свой взор на технические достижения людей.

Сеть Интерстар, опутывающая звезды и позволяющая осуществлять мгновенную связь между мирами на гиперсферных частотах, показалась им наиболее уязвимой составляющей могущества молодой цивилизации. Гиперсферные маяки, без которых невозможна навигация в аномалии космоса, базировались на тех же мощностях, что и сама сеть, – каждая планета имела свою станцию Гиперсферной Частоты, но воедино их связывал единственный центральный узел, расположенный на орбитах планеты Элио, – столицы существовавшей на тот момент Конфедерации Солнц.

Функции Элианского узла не были продублированы в силу исторических причин. Именно отсюда начала свое развитие межзвездная компьютерная сеть Интерстар, и каждая новая планета, входящая в состав Конфедерации, просто подключала свою станцию ГЧ к центральному узлу. Такая монополия, естественно, являлась порочной, ненадежной практикой, но тут вступали в силу политические и экономические особенности развития самого человечества и Конфедерации в частности: военных и политиков устраивал статус планеты Элио как столицы всех человеческих миров, и они старались всячески поддержать его, в том числе используя монополию на межзвездную связь.

Никто не думал, что за разросшимся сообществом человеческих миров вот уже несколько десятилетий кряду наблюдают холодные, оценивающие глаза.

Хараммины действовали спокойно, расчетливо и методично.

Первый шок от случайного вторжения прошел, повторного прорыва Вуали не произошло, и это позволило харамминам освоиться, начать глубокое изучение новой цивилизации, получить образцы человеческих технологий, а вкупе с ними... и доступ в сеть Интерстар!

В тот роковой миг, когда чужие проникли в общечеловеческую кибернетическую сеть, великий, неколебимый принцип безграничной свободы и анонимности виртуального пространства стал работать против своих создателей.

Пользуясь этим действенным принципом, хараммины смогли не только постичь «изнутри» психологию новой расы, но и восполнить свой упадок технологий, закупая через сеть самые современные и смертоносные образчики человеческих вооружений.

Великий нонсенс, который уже не раз и не два подводил цивилизацию к роковой черте еще со времен давно позабытой сети Интернет, которая когда-то, до выхода человечества в дальний космос, существовала на планете Земля и анонимностью которой успешно пользовались древние террористические организации далекой прародины...

Некоторые ошибки мы склонны повторять вновь и вновь...

Хараммины не действовали вслепую. Они ждали своего часа, наблюдая за медленным упадком, а затем – за развалом Конфедерации Солнц, не выдержавшей прессинга со стороны молодых промышленных миров Окраины, которые жаждали планетных суверенитетов. Военно-космический флот Совета Безопасности Миров подвергался жесточайшей критике, Окраина реально грозила взорваться, инициировав третью галактическую войну, и старая Конфедерация не выдержала многолетнего прессинга, объявила, наконец, о самороспуске и консервации интернационального космического флота. Каждая из планет теперь получала право на полное самоопределение и могла владеть своим собственным космическим флотом, но до реального создания таких сил должны были пройти как минимум десятилетия.

Проникновение в сеть Интерстар предоставило харамминам великолепную возможность для подготовки операции. Действуя, как анонимные клиенты, они закупали через виртуальные каналы не только технику и вооружение, но и информацию. Спрос всегда рождает предложение, и из сотен тысяч оставшихся не у дел бывших офицеров самораспустившейся Конфедерации Солнц нашлись те, кто продал чужакам необходимые данные, начиная от подробной схемы орбитальной обороны Элио и заканчивая кодами доступа к законсервированным компьютерам генерального штаба Совета Безопасности миров, который прекратил свою деятельность вместе с распадом звездного сообщества.

Планируя вторжение, хараммины учли, что после распада Конфедерации Солнц у людей более не стало единого космического флота и централизованного командования силами самообороны планет – то есть настал самый удобный момент для нанесения удара.

Оставалось лишь разрушить сеть Интерстар, и тогда каждая, отдельно взятая планета, лишившись связи на гиперсферных частотах, автоматически попадала в полную изоляцию и становилась легкой добычей для сил «второй волны», которую хараммины намеревались сформировать из инсектов, просто указав правителям похожих на муравейники перенаселенных миров своего скопления на новые планеты, подлежащие захвату и колонизации.

Все было рассчитано до мелочей. В процессе изучения структуры сети Интерстар и психологии людей хараммины, планируя превентивный удар, сделали безошибочную ставку на внезапность нападения и разобщенность человеческих миров. Казалось, что в миг, когда первая ракета, пробив орбитальный заслон, взломала обшивку одной из семи узловых станций ГЧ, расположенных на орбитах Элио, все шансы человечества на выживание как независимой, экспансивной расы были сведены к нулю.

Атаку на Элио развивали всего два крейсера, захваченные харамминами в разное время и укомплектованные экипажами из инсектов. Сами по себе корабли не представляли особо грозной силы, но атака на Элианские станции ГЧ и разрушение центрального сервера Интерстар тут же повлекли за собой непоправимые последствия. В одно мгновение рухнула вся инфраструктура межзвездной связи, отключились не только виртуальные каналы передачи данных, но и связанные с ними подпространственные навигационные маяки.

Человечество оказалось раздроблено, каждая отдельно взятая планета буквально ослепла и оглохла. Сотни световых лет, разделяющих человеческие миры, вдруг стали реальностью, такой же неодолимой, как это было в эпоху первых слепых рывков начала экспансии.

Не было средства, чтобы подать сигнал оповещения, не было и космического флота, чтобы противостоять полномасштабной агрессии хотя бы в рамках атакованной планеты Элио, не было информации о противнике, а когда на стартопосадочные поля Раворградского космопорта опустились «Нибелунги» – челночные носители, специально разработанные для доставки на планеты боевых серв-соединений, то у немногочисленного персонала диспетчерской смены исчезла всякая надежда на спасение...

Из черных провалов открывшихся рампы на стеклобетон посадочных полей ступили грозные шагающие боевые машины. В качестве пехотной поддержки их окружали не фигурки космических десантников, а страшные силуэты ксеноморфов!..

Это было вторжение чуждой расы!..

Наступил самый страшный день за всю новейшую историю цивилизации.

Сотни человеческих миров оказались расколоты, разобщены одним варварским и точно продуманным ударом. Уже рухнуло самое слабое звено – прекратилась связь на гиперсферных частотах. Далее, по замыслу противника, следовал удар в самое сердце недавнего человеческого единства: захват штаб-квартиры Совета Безопасности Миров автоматически привел бы к непоправимым последствиям. Нападающие раздобыли коды доступа к центральному компьютеру генштаба, и в случае успеха в руки харамминов попадала вся мощь законсервированной боевой техники бывшего звездного сообщества. Но до заветных бункеров, расположенных под площадью, над которой трепетали на ветру флаги двухсот семнадцати планет, им не дали дойти...

Драматические события на Элио, по сути спасшие человечество от разгрома, окончились плачевно для самих харамминов – их силы вторжения были разбиты ценой огромных потерь среди гражданского населения Раворграда... Далее последовало знаменитое сражение в Сфере Дайсона, прорыв Вуали и дерзкий рейд нескольких боевых кораблей на планету Бессмертных, в ходе которого была уничтожена Квота и обнаружено неизвестное шаровое скопление звезд.

Спустя несколько суток после атаки на планету харамминов был установлен контакт с современными обитателями скопления – цивилизациями инсектов и логриан, до тех пор считавшихся вымершими.

Они, не желая войны, охотно пошли на сотрудничество, не понимая того, что перед ними не полномочные представители человечества, а лишь горстка случайно избранных судьбой людей, вынужденных принимать далеко идущие решения, разговаривая от имени цивилизации... Но кто мог предсказать реакцию отдельных планет и мелких союзов на договоренности, достигнутые с иными расами? В отсутствие связи на гиперсферных частотах моральному бремени этих людей трудно было позавидовать.

Хараммины действительно раздробили человечество. Мгновенный информационный вакуум сделал обитаемые миры далекими и недоступными. В состоявшемся факте был заключен страшный урок, наказание за беспечность, но ничего уже нельзя было исправить.

В эти трагические дни и вызрело решение, показавшееся единственной соломинкой, за которую стоило ухватиться. После контакта с двумя древними расами стало ясно, что обнаруженные незадолго до трагических событий артефакты, а именно: миллионы кристаллов, найденных рудодобывающим комплексом «Спейсстоун» в глубинах Рукава Пустоты, среди разрушенных циклопических сооружений, являются не чем иным, как фрагментами того самого Логриса – мифической электронной машины расы двухголовых ксеноморфов.

Логриане, вступившие в контакт с представителями человечества, опознали эти останки как разрозненные, но функциональные компоненты утраченного в период миграции предтеч Логриса.

Анализ структуры парящих в космосе кристаллов, каждый из которых представлял собой мощнейший мини-компьютер, показал, что, собранные вместе, они по совокупности

своих вычислительных ресурсов могут тысячекратно восполнить утрату Элианского компьютерного узла, вновь соединив человеческие миры в сеть Интерстар...

Для этого нужно было всего лишь собрать рассеянные в пространстве Логры, реанимировав тем самым древнюю машину иной расы, и подключить к ней передатчики гиперсферных частот.

Технически все выглядело просто, но от людей, поставленных в безвыходные условия, требовалось изрядное мужество, чтобы пойти на такой эксперимент, – после миллионов лет забвения уже никто не мог поручиться, что воссозданный Логрис будет управляемым...

Однако иного выхода не нашлось, и Логрис, миллионы лет назад раздробленный на отдельные кристаллические фрагменты, был восстановлен в мертвых глубинах Рукава Пустоты.

Риск оказался оправданным: горстка людей, победившая в нескольких скоротечных схватках с захватчиками, стала свидетелем необыкновенной гибкости древних технологий, когда вновь образованный в пространстве кристаллический смерч легко адаптировался к подключенным к нему приемопередающим устройствам, разработанным людьми, и сеть Интерстар, чей глобальный сбой вызвал хаос на двухстах семнадцати человеческих мирах, внезапно ожила. Логрис, как и предполагалось, проводил по своим кристаллам информационные потоки, не искажая их, и уже через несколько дней отдельные планеты обитаемой Галактики смогли вновь услышать друг друга...

Кристаллический смерч, окруженный демонтированными с космических кораблей приемопередающими устройствами гиперсферных сигналов, вращался в абсолютном мраке Рукава, и казалось, что информационная целостность Человечества восстановлена, но люди, ответственные за реанимацию древней машины, понимали, что данный успех может оказаться временным, а дальнейшие события, учитывая разобщенность цивилизации, способны привести к новым, непредсказуемым конфликтам и потерям.

Нужно было воспользоваться моментом и восстановить Конфедерацию Солнц, чтобы скрепить созданный союз трех рас, инициировав тем самым новый виток в истории обитаемой Галактики...

* * *

Планета Элио. За несколько месяцев до смерти Кристофера Раули...

Начало событиям, которые привели капитана Столетова на Гефест, где состоялась его сделка с Кристофером Раули, было положено ранним праздничным утром, в день, когда вся обитаемая Галактика отмечала десятилетнюю годовщину со дня новообразования Конфедерации Солнц.

Звонок мобильного коммуникатора раздался внезапно, но полковник Грин встал в этот день рано, намереваясь отправиться в город, и поэтому сразу ответил на вызов.

Голос в трубке был знаком.

– Слушаю, господин генерал. – Он сразу понял, что про любые планы, построенные на сегодняшний день, можно прочно забыть.

– Александр, я бы хотел тебя видеть, – подтверждая его опасения, произнес Белов.

– Да, сэр. Когда и где? – Грин не задавал лишних вопросов, когда речь шла о службе.

– Собирайся и приезжай ко мне в загородную резиденцию. Сегодня тут относительно безлюдно, так что сможем спокойно потолковать. Рыбалку любишь, полковник?

– Нет, сэр.

– Отлично, – неизвестно чему порадовался голос в трубке. – Я буду ждать тебя. Охрана проводит.

В мобильном коммуникаторе запищал частый сигнал отбоя.

* * *

В загородной резиденции, которую ведомство контрразведки снимало для своих сотрудников в полусотне километров от столицы Элио Раворграда, этим утром действительно царил сонный покой.

Полковник Грин хорошо понимал, что означает столь неурочный вызов. Ему собирались дать задание, но не стоило заранее ломать голову – какое именно.

Надев гражданский костюм, он взял из подземного гаража личную машину и через десять минут уже выехал на окружную трассу, которая шла вдоль маслянистых вод залива Эйкон, мимо памятника, установленного на месте посадки колониального транспорта «Кривич» и пламенеющих над водной гладью могучих растительных великанов Раворов, к окружающей мегаполис лесопарковой зоне.

Свернув с кольцевой дороги, он провел машину по спиральному спуску многоуровневой развязки и углубился во влажный сумрак лесного массива, следуя по узкому асфальтированному шоссе, которое оканчивалось тупиком парковочной площадки, перед комплексом одно-двухэтажных зданий, в живописном беспорядке разбросанных в тенистой тиши могучих древесных крон.

* * *

Генерала он нашел сидящим в раскладном кресле на шатких деревянных мостках, уходивших от края обрывистого берега безымянной лесной речушки, вдаваясь на несколько метров в спокойную, похожую на мутное зеркало водную гладь искусственно созданной запруды. Под сенью деревьев, несмотря на солнечное утро, царил влажный полумрак.

– Садись, Александр, – полуобернувшись, пригласил его Белов, указывая на второе кресло, стоявшее тут же на краю мостков.

– Доброе утро, Петр Алексеевич.

– Доброе... – Генерал произнес это слово так, словно разжевывал его, предварительно пробуя на вкус. Он был сед как лунь, и неудивительно, что сзади его легко можно было принять за старика-пенсионера, коротающего свои дни в занятии рыбалкой. Белову в этом году исполнилось шестьдесят, а бремя забот, которое он нес вот уже десять лет кряду, добавило к возрасту немало своих неумолимых штрихов.

Грин присел в кресло, покосившись на короткое удилище в руках генерала.

«Что это, дань привычке конспирировать свои встречи, истинное увлечение или простая хандра?» – невольно спросил себя он. В день Конфедерации Солнц видеть сторбленную спину генерала, который десять лет назад в нескольких километрах отсюда с горсткой безумцев остановил вторжение иной цивилизации, было, как минимум, странно...

Сам Грин являлся уроженцем другой планеты – Кьюига, а на Элио прилетел позже, спустя год после неудавшегося вторжения харамминов, однако он до сих пор не мог забыть потрясения, которое испытал, глядя на уродливый, трудно зарастающий шрам, располовавший тело города. Исполинская, обугленная просека шла от основания мегаполиса к его центру, разрубая массивы зданий на ширину в несколько кварталов, и жуткое впечатление от увиденного осталось в его душе на всю жизнь.

Это был путь, по которому боевые шагающие машины противника, внезапно обрушившиеся на столицу Элио, рвались к самому сердцу города, где располагалась штаб-квартира Совета Безопасности Миров.

Чужаков остановили в полукилометре от площади ценой множества жизней. Остановили, несмотря на полный развал военной машины, оставшейся от прошлой Конфедерации Солнц, несмотря на внезапность нападения и отсутствие на планете сколь-либо боеспособных воинских формирований.

Белов являлся одним из тех, кто сражался с харамминами, – это полковник знал точно. «Казалось бы, годовщина победы должна стать его праздником, – размышлял Грин, глядя на старика, – так почему же он вызвал меня именно сегодня, а сам сидит, сторбившись, на шатких мостках, с этой нелепой удочкой в руках?!»

Очевидно, ему не удалось скрыть свое недоумение.

– Думаешь, у меня крыша поехала от старости? – покосившись на полковника, спросил Белов, перекидывая удочку так, чтобы ярко-красный поплавок оказался подальше от берега.

Грин тактично промолчал. Тянуться в струнку было глупо, а отвечать невпопад – тем более.

– Ладно. Сейчас объясню. – Белов обернулся к столику, на котором стояла початая пластиковая бутылка без этикетки и красовалась на разовых тарелках нехитрая закуска. Протянув руку, он взял один из двух уже наполненных заранее стаканчиков и сказал: – Расслабься, полковник. С головой у меня все в порядке. Давай... за тех, кто погиб в тот день...

Сделав глоток, Грин задохнулся, но, поборов спазм, все же допил.

Белов, насмешливо глядя на него, шумно выдохнул, потянулся за тонко нарезанным хлебом, но закусывать не стал, только понюхал горбушку и положил на тарелку перед собой.

Александр не решился на подобный подвиг.

– Водка, полковник. Самый древний напиток, – скупое пояснил генерал. – Больше не налью, если слезу вышибает. Мне твои мозги нужны трезвыми.

От города в этот миг внезапно донеслись тугие, ритмичные, тревожащие слух хлопки. Это началось запланированное заранее показное выступление серв-соединений. Действие, чей отзвук долетел до глубин окаймляющего город лесного массива, разворачивалось на специально оборудованных для этого равнинах стартопосадочных полей космопорта, где по историческому сценарию в данный момент высаживались механизированные соединения противника, едва не поставившие десять лет назад жирную точку в человеческой истории.

Белов, прислушиваясь к отдаленному гулу канонады, посмотрел на Грина и внезапно произнес, кивнув на скупое сервированный стол:

– Пир во время чумы...

Грин удивленно приподнял бровь.

– Не шевели ушами, полковник, я знаю, что говорю, – произнес Белов и покосился на поплавок, безжизненно застывший на ровной, как мутное стекло, глади небольшой запруды.

Со стороны космопорта опять донесся грохот...

* * *

Полковник Грин прекрасно представлял, что творится сейчас на специально оборудованном демонстрационном поле.

...Стих рев планетарных двигателей челночных кораблей. Их обшивка дышала жаром; в наступившей тишине был слышен треск остывающих пластин брони, а спустя несколько мгновений, перекрывая эти звуки, нервно взвизгнули приводы открывающихся десантных рампы.

В сумеречном чреве «Нибелунгов» пришло в движение что-то огромное, затем раздался нарастающий утробный гул, который терялся на высоких частотах, – это выли, набирая обороты, стабилизирующие гироскопы многотонных боевых машин, и спустя минуту

напряженного ожидания на откинутый пандус ближнего к трибунам челнока вдруг легла гигантская тень. Из десантного отсека, сотрясая стеклобетон посадочных полей, тяжелой поступью вышел первый «Фалангер» – шестидесятитонный боевой робот, похожий на увеличенную в тысячи раз, покрытую камуфлированной броней жабу...

Кошмарное сервоприводное наследие прошлых галактических войн человечества на этот раз окружали не люди в бронескафандрах, а закованные в природный хитин инсекты...

За первой боевой машиной показались вторая, третья...

Всего их было десять. Трибуны притихли, глядя то на «Фалангеров», то на окружившие их фигуры ксеноморфов, казавшиеся жалкими букашками на фоне шагающих исполинов, то на беззащитный, хрупкий из-за своей высотности и многослойной структуры мегаполис, который должен был по историческому сценарию принять на себя мощь совокупного удара шестисот тонн смертоносного металла...

Первые четыре серв-машины тронулись с места, двигаясь по стартопосадочным полям в сторону кольцевой автомагистрали, но, ощутив разрозненное сопротивление нескольких огневых точек космопорта, внезапно остановились и произвели залп.

Оглушительный грохот автоматических орудий, режущие глаз стробоскопические всплески огня, дымящиеся клочья, разлетающиеся от попавших под залп автомашин... и бетонные обломки зданий, падающие, словно перекаленные шлаковые бомбы, извергнутые из жерла внезапно ожившего вулкана, – все это слилось во впечатляющую демонстрацию, не отражающую, впрочем, и сотой доли происходивших в действительности событий.

На трибунах сразу в нескольких местах истошно заплакали перепуганные и ничего не понимающие дети...

* * *

Отзвуки показательного выступления серв-машин долетали до тенистых глубин леса, заставляя деревья шуметь и вздрагивать, роняя с крон мелкие веточки и сорванную листву.

Белов отложил удилище.

Какая, к дьяволам Элио, рыба... Ее никогда не водилось тут, если в запруду специально не выпускали известное количество карасей перед приездом очередной группы отдыхающих.

– Почему вы не пошли на праздник, Петр Алексеевич? – спросил Грин.

– А что мне там делать? – насупился Белов. – Пялиться на показуху?

– Ну а память? Как же так, ведь вы...

– Саша, перестань, – оборвал собеседника Белов. – Те, кто действительно закрыл грудью Элио, погибли в тот день, под лазерными залпами и ступоходами «Фалангеров»... Я пришел на площадь подле здания Совета Безопасности уже после, когда бой отгремел и собравшиеся начали доставать провалившиеся сквозь перекрытие городского уровня машины врага, чтобы извлечь останки их пилотов. – Белов пожевал пустыми губами и добавил: – На самом деле ветеранов боя на Элио осталось всего ничего: полковник Горкалов, как ты знаешь, погиб спустя несколько дней в Сфере Дайсона, так что выжили только президент Конфедерации Шейла Норман и адмирал Сокура. Тогда он был лейтенантом... – припомнил Белов. – Служил в охранном подразделении складов РТВ. Вот они трое, реквизировав боевые машины с консервационных складов, и встали поперек глотки нашим «братьям по разуму»...

– Но в реанимации Логриса вы уже участвовали, – уточнил Александр, заметив, что Белов неосознанно теребит тонкую цепочку, висящую у него на шее. К ней был прикреплен черный колющий кристалл, и Грин, проведя мгновенную аналогию, смог наконец предугадать смысловую нагрузку их неурочной встречи.

– Да, – скупое ответил Белов. – Потому и сижу тут...

– Реанимация Логриса кажется вам ошибкой? Я правильно понял? – полковник Грин вопросительно посмотрел на седого генерала.

– Нет, Саша, – покачал головой Белов, мысленно погружаясь в омут воспоминаний. – Реанимация древней машины была неизбежна, – произнес он. – После уничтожения центрального узла Интерстар мы все заглянули в бездну разобщенности и одиночества, которая раньше казалась незаметной... А оказалось, – он невесело усмехнулся, – что между звездами лежат бездны световых лет и мы вовсе не боги, которые властны над разумом и материей, а лишь горсть эгоистичных, самонадеянных существ, прихотливо развеянных по невообразимому пространству...

Генерал на миг замолчал, прислушиваясь к звукам возобновившейся канонады, а затем продолжил свою мысль под глухой аккомпанемент отдаленного рокота:

– У нас были два боевых крейсера и задача на выживание с множеством неизвестных. А кем мы являлись на самом деле? – Он вскинул взгляд на Грина и, не дождавшись ответа, пояснил: – Вечными лейтенантами, уволенными в самом начале своей карьеры, сразу после развала старой Конфедерации Солнц. За два десятилетия мы успели стать мирными гражданами, обрасти бытом и замашками обывателей. Группа обыкновенных мужчин и женщин в возрасте около сорока лет, в одночасье вырванных из мирной, сытой жизни внезапно грянувшим апокалипсисом, – вот кем мы были... Жизнь приперла нас к стенке, противник навел ствол между глаз, заставив стряхнуть жирок и вспомнить прежние навыки управления боевыми машинами и космическими кораблями. – Белов продолжал смотреть на полковника. – Мы выстояли один бой, второй... и вдруг наступила победа – ты понимаешь, что это значит?

Грин внимательно слушал Белова, пытаясь представить те исторические эпизоды, что скупое описывал седой генерал. Да, он понимал мысль Белова. С внезапной победой к ним пришло иное бремя: ответственность перед всей остальной цивилизацией за принятие ежеминутных решений. По сути, недоукомплектованные экипажи двух космических крейсеров, оказавшись в Рукаве Пустоты, перед приподнявшимся пологом Вуали логрианских устройств, заглянули в абсолютно чуждый человеческому разуму мир скрытого шарового скопления, где планеты переполняла непонятная, чуждая жизнь.

На самом деле проблема, затронутая Беловым, казалась ему намного глубже и разностороннее, чем мог ухватить поверхностный взгляд.

«С того момента, как первый космический корабль покинул атмосферу Земли, прошло два тысячелетия космической эры, на протяжении которых мы не сталкивались с внешним врагом. Космос на поверку оказался пустынным, он был лишен проявлений иной разумной жизни... и постепенно, с течением времени, ожидание встречи притупилось, а наше одиночество во Вселенной из осторожного предположения ненавязчиво превратилось в постулат.

Мы не сталкивались с иными расами и потому постепенно начали ощущать себя хозяевами космоса, – думал Грин, искоса поглядывая на генерала, который мрачно прислушивался к доносящимся сюда звукам «потешной» канонады. – Освоение множества миров разделило цивилизацию, постепенно формируя анклавные планеты, которые считали чужаками уже друг друга, а не каких-то мифических ксеноморфов. Мы сами стали друг для друга инопланетянами. Человечество десятки раз разваливалось на куски, пока сеть Интерстар не объединила звезды, связав воедино в виртуальном пространстве несовместимые в реальности планетные поселения...»

– Что молчишь, полковник? – нарушил ход его мыслей Белов.

Грин пожал плечами.

– Мы слишком долго считали себя одиночками, – высказал он скупую, обобщенную мысль.

– Тоже верно, – кивнул Петр Алексеевич, опять потянувшись к бутылке, но на сей раз он разлил ее содержимое неравными долями – себе сполна, а Грину так, на донышке.

Выпив, он вновь посмотрел на полковника и спросил:

– А что-нибудь изменилось за прошедшие годы?

Профессиональная память быстро пробежала по узелкам событий, перебирая их, как четки, и Грин был вынужден отрицательно покачать головой.

– Ничего.

– Правильно, – одобрил его ответ Белов. – По-прежнему несемся вперед, каждый по своей тропинке, хотя все понимают, что пора бы и остановиться. После внезапной атаки на Элио изменилось сознание отдельных людей, – обобщил он свои слова. – А в мирах, которых напрямую не коснулась агрессия, мыслят по-прежнему, хотя теперь рядом с нами, буквально бок о бок сосуществуют две ксеноморфные расы, настолько чуждые, что дрожь по загривку бежит от одного их вида.

Грин опять был вынужден кивнуть. В логике генерала присутствовала изрядная толика его собственных мыслей.

– Мы сосредоточились на харамминах, напряглись и уничтожили их, тем более что сделать это было несложно – несколько тысяч существ на одной планете оказались легкой мишенью.

Полковник, во рту у которого от водки разлилась стойкая, стягивающая кожу на скулах горечь, задумался, медленно и машинально пережевывая бутерброд, взятый с тарелки.

– Логриане и инсекты – наши союзники, – осторожно напомнил он.

– Наши внезапные союзники, – уточнив, кивнул генерал. – Десять лет в масштабах трех цивилизаций – это, Саша, не срок. Но меня беспокоит другое. – Он вытащил наконец цепочку из-за ворота одежды, и подвешенный на ней Логр блеснул своими гранями, поймав свет. – Логрис, – отрывисто произнес старик. – Вот что меня беспокоит на самом деле. Не перебивай... – Белов на секунду умолк, собираясь с мыслями, а затем добавил более спокойно, уже без эмоций в голосе: – На первый взгляд суть Логриса проста: он состоит из миллионов кристаллов, каждый из которых сам по себе является мощным самодостаточным компьютером. Сейчас мы знаем структуру Логра, владеем технологией его производства, понимаем, почему в критический миг машина, созданная три миллиона лет назад, смогла стать проводником сети Интерстар...

Заметив недоуменный взгляд Александра, Белову пришлось пояснить:

– Смысл центрального узла Интерстар заключается в том, чтобы принять информацию и передать ее по адресу. Мы подключили к Логрису приемник гиперсферных частот и стали следить, что произойдет с тестовым сигналом. Каждый кристалл исправно принимал чуждую для него информацию и тут же старался избавиться от нее, передав соседнему Логру. Структура древней машины такова, что кристаллы соединены в нити, и стоило подключить к началу кристаллической последовательности приемник, а к концу – передатчик, ориентированный на станцию ГЧ планеты назначения, как схема заработала: информационный поток следовал через Логрис от приемника к передатчику, не искажаясь при этом.

Грин кивнул. Он видел несколько раз снимки сегодняшнего облика древней машины – на них был изображен черный многокилометровый смерч, покрытый сотнями приемопередающих устройств.

– Значит, мы чисто механически провели по древней машине свою сеть? – все же переспросил он. – Облепили Логрис, как... паразиты?

– Примерно так, – согласился с его нелестной оценкой Белов.

– А что говорят сами логриане? Они не пытались объяснить суть своей сверхмашины? Ведь ксеноморфы наши союзники, – напомнил Грин.

– Этот вопрос висит в воздухе, Саша, – ответил генерал. – Не забывай, что они были рабами харамминов, деградировали вместе со своими хозяевами, а о Логрисе помнили как о чем-то великом, но утраченном. – Петр Алексеевич посмотрел на неподвижный поплавок и добавил: – Десять лет бесперебойного функционирования сети Интерстар показали, что древняя машина лояльна к внедренным в нее информационным потокам, хотя они ежесекундно забирают часть процессорной мощности от каждого кристалла. Суть моего беспокойства не в этом...

– Тогда в чем?

– Не «в чем», а «в ком», Саша... – Белов проводил взглядом медленно плывущую по запруде веточку и добавил: – Десять лет назад мы получили от логриан технологию изготовления черных кристаллов и вот недавно начали их массовое производство.

Грин вздрогнул от этих слов. Он понимал, что фраза, оброненная Беловым, скорее всего, является государственной тайной Конфедерации...

– Для чего? – напряженно спросил он, хотя ответ был известен ему заранее, по крайней мере догадаться было нетрудно...

– А ты сам подумай... – прищурившись, ответил Белов. – Три миллиона лет назад Логры были разработаны с целью сохранения личности, для продления жизни разумного существа после физической кончины телесной оболочки. – Взгляд генерала, направленный на Грина, отражал угрюмую проницательность. – Те кристаллы, по периферии которых протекает наша сеть Интерстар, содержат сущности логриан, почивших еще в доисторическую эпоху, – продолжил свою мысль Петр Алексеевич. – Теперь к данной практике собирается подключиться человечество, – заключил он, продолжая наблюдать за реакцией Грина.

Полковник заметно побледнел. Он умел владеть собой, но сейчас сжатая информация, внезапно поданная Беловым, выбила его из равновесия: хотя слухи о чем-то подобном муссировались в обитаемых мирах уже давно, но им никогда не давалось никакой официальной подпитки, и вот...

– Это государственная тайна Конфедерации? – задал он риторический в данной ситуации вопрос, стремясь не столько получить ответ на него, сколько перевести дух, вернуть утраченное на мгновение самообладание...

Белов усмехнулся вопросу.

– Для кого как, – уклончиво ответил он. – Для рядовых граждан – да, несомненно, но у меня, например, есть список тех, кто уже «ушел в Логрис». В нем высшее руководство планетных правительств, высокопоставленные чиновники самой Конфедерации – те, кто умер в течение последних пяти лет. Как видишь, – Петр Алексеевич постучал ногтем по грани черного кристалла, – мне тоже выдали Логр, а скоро все граждане содружества смогут обладать подобными устройствами. С одной стороны, это правильно, а с другой... – Он покачал головой в ответ на какие-то свои мысли. – Мы ведь не логриане, – вслух произнес он. – У нас иная психология, и мне совершенно непонятно, как поведут себя личности людей, попавшие после смерти в такой вот кристалл?

– А разве исследования в данной области не проводились? – осторожно поинтересовался Грин, который уже вернул утраченное самообладание.

– Нет, – покачал головой Белов. – Есть закон «О правах разумных существ», где четко прописан пункт неприкосновенности личности. К тому же Логрис стал «священной короной» Конфедерации, не находишь? Поди, подступишь к нему...

Александр, подумав, кивнул.

– Вот и выходит, Саша, что мы опять закрываем глаза на потенциальную опасность. С одной стороны, я понимаю – разбирать и исследовать устоявшую за десять лет систему, на базе которой успешно работает Интерстар, глупо и опасно, – поэтому Логрис так тщательно стерегут от всяких сторонних воздействий, а с другой... интегрировать в виртуальную среду

Логриса миллионы человеческих существ, не зная, как те поведут себя там... разве это разумно? – Он поднял взгляд на полковника. – А если человек не дожил, не долбил, если «в миру» у него остался смертельный враг? Мы случайно не сотворим кошмар из области изотерики, только не мифический, а реальный, ведь там проходят потоки Интерстар – готовые транспортные артерии для виртуального мира!.. – По отрывистым, полным смысловой нагрузки фразам было понятно, что они итог многочасовых размышлений и наболело на душе у Белова немало, но...

– Петр Алексеевич, но так не может получиться, – возразил ему Грин. – Мы же не в детском саду, в конце концов...

– Может, Саша. Есть два нюанса, которые меня тревожат. Первый является действительной государственной тайной, а второй – технической особенностью Логра, интегрированного в общую массу себе подобных.

Белов внезапно умолк, испытующе глядя на полковника.

Грин понял, чего именно ждет генерал. Он знал старика не первый год, и Александру было ясно, что Петр Алексеевич затеял игру, которая лежит вне рамок официально разрешенной деятельности, потому и смотрит, спрашивая взглядом: готов ли ты, полковник, рискнуть вместе со мной? Если нет – прощайся и уходи, пока старик не наболтал тебе лишнего... Вот что говорили прищуренные глаза Белова.

«Небогатый у меня выбор...» – подумалось в эти секунды полковнику. Мало ли что он знал Белова не первый год... Почему он должен принимать решение вслепую, когда проблема вроде бы обозначена, но нет никакой конкретики, кроме высказанного вслух беспокойства за вероятное будущее?

Генерал продолжал смотреть на него в ожидании, и это давило...

«А разве не проходили мы в прошлом нечто подобное? – внезапно возник в голове Александра вопрос, заданный самому себе. – Нежелание рисковать, делать неудобные выводы, выходящие за рамки официальных версий и полномочий, – разве не это едва не привело нас к краху?»

Они молчали, глядя друг на друга совсем недолго, но за это короткое время множество мыслей успело промелькнуть в голове полковника.

Он внезапно для себя задумался о прошлом, вспоминая, как полтора века назад одно за другим посыпались открытия, опровергающие постулат об одиночестве людей в Галактике...

Сначала был Рукав Пустоты: загадочная полоса мрака, перечеркивающая пространство в том месте, где по всем канонам должны были находиться звезды. Увидели, но не придали должного значения, восприняли как досадное природное препятствие, начали искать обходные пути, а нашли... Сферу Дайсона – брошенную владельцами скорлупу искусственного мира, построенную три миллиона лет назад вокруг тускло-красной звезды...

Потом, как гром среди ясного неба: Деметра.

Картографический крейсер «Терра», порт приписки планета Кьюиг, внезапно обнаруживает потерянную колонию, где потомки поселенцев, прилетевшие на колониальном транспорте «Бристоль» в отрыве от остальной цивилизации, вели затянувшуюся на сотни лет войну с деградировавшим анклавом разумных насекомоподобных существ.

Увидели, но не ужаснулись, благо Совет Безопасности Миров тогда еще правил в пространстве – было кому заниматься внезапно обозначившейся проблемой. Людей и инсектов срочно расселили, и человеческие миры покатались дальше в своем развитии, следуя узкими и извилистыми тропками планетных суверенитетов.

Инсекты не казались опасными, а первый контакт с деградировавшими остатками некогда могущественной расы, три миллиона лет назад построившей Сферу Дайсона, пробудил скорее жалость и брезгливое любопытство обывателей, чем тревогу в среде военных,

хотя полоса мрака, преградившая путь вперед, после ряда находок уже не могла ассоциироваться с природным явлением. Звезды из этого пространства смахнул не природный катаклизм, а война, противостояние, которое имело место три миллиона лет назад, – это стало ясно после обнаружения первых артефактов и блуждающих во мраке, опаленных планетовидов, лишившихся своих светил...

А человечество, словно снежная лавина, продолжало по инерции сползать вперед, к своим целям, не замечая, что вот уже более полувека, как под рифлеными подошвами первопроходцев похрустывают останки трех древних рас.

Это сейчас разложенные по полочкам сознания, внесенные в анналы истории факты начали выстраиваться в стройную картину событий, а полвека назад, при взгляде на чернильный провал Рукава Пустоты, всем казалось, что прошлое необратимо, оно кануло в вечность, а мы пойдем дальше, преодолев наполненный останками Рукав...

Глаза Белова напоминали об этом. Они предлагали определенный выбор, и Грин наконец ответил:

– Я готов выслушать вас до конца, Петр Алексеевич.

* * *

Белов взял со столика пачку сигарет.

– Я уже сказал тебе, в каком незавидном положении мы оказались десять лет назад, в Рукаве Пустоты... – прикуривая, напомнил он. – Перед нами открылось неизвестное шаровое скопление звезд, а за спиной осталось расколотое на отдельные миры человечество. Ни инсекты, ни логриане не хотели войны, они достаточно пострадали под властью харамминов и смотрели на нас как на освободителей, искренне надеясь на союз и помощь. Этого хотели и мы, но понимали, что правительства большинства миров, с трудом отвоевавших свои планетные суверенитеты, вряд ли согласятся с нашим мнением. Их не атаковали хараммины, да и большинству, особенно на окраине, было плевать на все, кроме собственных экономических интересов. Хаос, наступивший после падения сети Интерстар, вразумил лишь старые миры, которые раньше образовывали ядро Конфедерации. Остальным нужен был стимул более весомый, чем идея нового единения человечества перед фактом отбитой атаки харамминов и контакта с двумя иными расами.

Белов выбросил сигарету с изжеванным фильтром и взял новую. Он явно нервничал.

– И как разрешилась ситуация? – испытывая неоднозначные чувства, спросил Александр. Он, конечно, знал новейшую историю, но с лакированных страниц учебников людям предлагалась несколько иная интерпретация фактов.

Последующие слова Белова только усугубили расхождение свидетельства очевидца и официальной версии событий десятилетней давности:

– Решение о создании новой Конфедерации было одобрено после восстановления гиперсферной связи, на виртуальном совещании, где присутствовали только главы правительств и первые министры планет. По сути, союз был куплен, Саша, в обмен на полученную от логриан технологию, обещающую виртуальное бессмертие. Понимаешь? Гарантированное бессмертие. – Он выговорил это словосочетание с каким-то внутренним надрывом, а потом закончил, уже спокойнее: – Сначала для присутствующих в тот момент на совещании, а потом, со временем, для всех, кто пожелает «уйти в Логрис». – Произнеся это, генерал отвернулся и уставился на мутную гладь запруды.

В первый миг откровение, прозвучавшее из уст Белова, показалось полковнику дикостью, но, задумавшись, он понял, что Петр Алексеевич говорит правду. Трудно было вообразить, что девяносто процентов независимых человеческих миров вдруг добровольно пойдут на союз.

«А ведь пошли... – подумал Грин. – Но только не народы, а власть предрешающие, и не из чувства общности, а в обмен на личное бессмертие...»

– Выходит, что технология Логра явилась цементом, который скрепил вновь создаваемую Конфедерацию?

– Да, – закашлявшись дымом, ответил Белов, по-прежнему глядя на ленивое течение темной воды, в которой отражались кроны деревьев. – И теперь настала пора более широкого выполнения тех обещаний, – не оборачиваясь, пояснил он. – Технология Логра передана нам в полном объеме, и заводы по производству кристаллов уже запущены.

– Значит, процесс неизбежен?

– Однозначно. – Белов обернулся и добавил: – Вскоре об этом будет объявлено официально.

Рука полковника Грина невольно потянулась к сигаретам, хотя курил он редко, только в минуты крайнего волнения.

– А второй нюанс, – напомнил он.

– Попытки исследований все же проводились, – ответил ему генерал. – Результат – нулевой. Как только Логр попадает в массу себе подобных, вся внешняя информация, подаваемая на него, натывается на непонятный блок, не проникая дальше периферии кристалла.

– Это та самая особенность, что позволила провести каналы передачи данных Интерстар по периферии кристаллов? – прикуривая, уточнил Александр.

– Да, – подтвердил Белов. – Основное ядро кристалла недоступно для проникновения. Неизвестно, что происходит там, внутри, но исследователи сделали из этого свой, порочный, на мой взгляд, вывод: поскольку личность, оказавшаяся в Логре, автоматически «замуровывается» там, значит, суть процесса необратима и безопасна...

Он замолчал, тряхнув головой, словно пытался отогнать от себя какое-то наваждение, навязчивую мысль, и поэтому в разговоре на некоторое время наступила пауза.

– Я собираюсь поручить тебе очень опасную миссию, полковник, – наконец, нарушив тишину, произнес Белов. – Основное ядро исполнителей уже подобрано, ты внесешь в список от силы пару кандидатур, учитывая, что могут возникнуть обстоятельства, когда твоя группа вдруг окажется вне закона и вне цивилизации...

Последние слова Белова не испугали Александра, который уже был морально готов к подобному обороту событий.

– Акция, насколько я понимаю, будет тайной? – сухо осведомился он.

– Абсолютно, – подтвердил генерал. – Более того... ее не санкционирует ни одно гражданское или военное ведомство. – Белов внимательно посмотрел на Грина, и на этот раз в глазах старика четко просматривалось то внутреннее напряжение, которое он тщетно пытался скрыть до этого за антуражем невинной рыбной ловли с водочкой и легкой закуской.

– Цель операции? – Грин не любил долгих полунамеков в этой части инструктажа.

– Вторжение в Логрис, – скупое ответил ему Белов.

* * *

Некоторое время над мостками и темной запрудой висела напряженная тишина, наступившая после двух оброненных Беловым слов.

Оба – и генерал и полковник – понимали: это словосочетание таило в себе потенциальный заряд такой силы, что, разорвись сейчас поблизости орбитальная бомба, эффект был бы меньшим.

Александр откинулся на спинку неудобного деревянного кресла, приготовившись слушать. Краем сознания он отметил, что тревожные звуки канонады, доносившиеся со стороны космопорта, стихли.

Театрализованное представление окончилось, начиналась будничная жизнь...

– И все же, Петр Алексеевич, какую опасность могут представлять личности, если, по вашим словам, они навек «замурованы» там?

– Любую! – резко ответил генерал. – Не сосредотачивайся на терминах, Саша. Логр... Логрис... Человек не логриан, понимаешь?! Они делали машину «под себя», а наша психология на поверку диаметрально противоположна образу мышления ксеноморфов. Мы скорее похожи на харамминов, не находишь?

– Да... – согласился с собеседником Грин.

– Вот и я про то. Не забывай, что у нас имеется своя история развития электронных сетей, и от логриан мы отстали разве что в миниатюрности электронных машин определенного класса. Попробуй вспомнить, начиная со времен пресловутого мыслесканера Джедидана Ланге, сколько было попыток перенести сознание в компьютер? Кто этим, как правило, занимался, и чем кончались подобные эксперименты?

Полковник промолчал, мысленно оценивая предложенные проблемы, а Белов еще подлил масла в огонь:

– Мы не можем проникнуть в отдельно взятый Логр, но не факт, что личность, замурованная в нем для вечного бытия, не в состоянии самостоятельно покинуть виртуальное узилище. А ведь там, по периферии кристаллов, текут информационные потоки сети Интерстар, – еще раз жестко напомнил Белов. – Пять процентов мощности каждого Логра автоматически отданы на проводку каналов сети. Логрис уже десять лет как не мертв – он живет, дышит в ритме всего человечества. Наши информационные потоки, от которых зависит все: экономика, политика, межрасовое общение, – проложены через кладбище логрианских душ, среди которых за прошедшие десять лет стали появляться и человеческие Логры.

Белов потянулся к бутылке и разлил водку по двум стаканчикам.

– Я уже стар и потому не боюсь. – Петр Алексеевич расстегнул ворот одежды, снял тонкую цепочку с Логром и положил ее на стол. Некоторое время он угрюмо смотрел на поблескивающий гранями черный кристалл, а потом произнес: – Он вовсе не успокаивает меня, как некоторых избранных на сегодняшний день. Я страшусь не своей смерти, а того дня, когда будут наконец выполнены все пункты договоренностей десятилетней давности и каждый получит подобный кристалл...

Он оторвал взгляд от гипнотизировавшего его Логра и тяжело посмотрел на полковника:

– Что будет, если мы ошиблись хоть на йоту, и все человеческие амбиции, страх, ненависть, любовь, мудрость и глупость действительно уйдут туда, в машину, сквозь которую текут информационные потоки, связующие на сегодняшний день четыреста миров и три чуждые друг другу расы? Не станут ли некоторые из нас новыми харамминами, творящими циничный беспредел там, в виртуальных глубинах Логриса и Интерстара?

Белов подтолкнул кристалл к Грину и произнес:

– Бери.

Наступила напряженная молчаливая пауза.

– Зачем? – наконец спросил Александр, действительно не понимая, какое отношение к предстоящей операции имеет личный кристалл, выданный генералу?

– Этот Логр видоизменен, – пояснил Петр Алексеевич. – Над ним работали лучшие компьютерные техники моего ведомства. Он отличается от стандартных аналогов тем, что будет доступен для вхождения извне, по выделенному каналу гиперсферной частоты.

– А вы?

Старик усмехнулся.

– Если ты будешь действовать быстро и правильно, то я еще не успею скончаться, – хмыкнул он.

Грин посмотрел на Белова и понял, что спорить в данной ситуации бесполезно.

– Что я должен сделать с кристаллом?

Губы Белова тронула недобрая усмешка, показавшаяся Грину зловещей.

– Пусть его получит один избранный мной человек... Некий Кристофер Раули.

– Кто он такой? – спросил Александр, которому ничего не сказали произнесенные генералом имя и фамилия.

– Личность неприглядная, – сознался Белов. – Говоря откровенно, сволочь, отморозок, каких в среде наших врагов еще стоило поискать.

– А конкретнее?

– Четвертый сын в семье владельца колонии на Гефесте, – начал пояснять Петр Алексеевич, но полковник тут же остановил его вежливым жестом:

– Мне ничего не говорит название, – сознался он. – Это где?

Белов махнул рукой.

– Богом и людьми забытый мирок Окраины, признанный негодным для колонизации из-за ядовитой атмосферы. Там три поколения Раули качали нефть из природных запасов небольшой котловины. Не дожидаясь своей очереди на наследство, последний отпрыск семейки Кристофер рано покинул отчий дом, переселившись на обитаемые миры. Закончил государственную академию Кьюига, по специальности ксенобиолог, но свой диплом использовал только в качестве прикрытия. На самом деле молодой человек рано вкусил прелести криминального бизнеса, втянувшись в какие-то темные дела еще в период учебы, а после окончания академии быстро исчез...

Белов, кряхтя, нагнулся, вытащил небольшой кейс, который лежал между ножками легкого раскладного кресла прямо на дощатом настиле, и, открыв его, извлек на свет кристаллодиск.

– Вот, Саша, тут вся подноготная Кристофера Раули, какую удалось собрать. В общих чертах его жизнь похожа на рваную курсовую нить корабля, который то исчезает в гиперсфере, то всплывает из ее пучин. Разные миры, разные люди, но везде, где бы он ни «всплывал», в скором времени обязательно появлялся труп.

– Киллер?

– Да, Саша, наемный убийца, человек без родины, натура со своеобразными, извращенными принципами. Он настоящий профессионал, в этом Раули-младшему не откажешь... хотя бы потому, что он ни разу не был пойман, несмотря на то, что исполнял часть своих «заказов» на таких закрытых мирах, как Стеллар и Рори.

– Чем он занимается сейчас? – хмурясь, спросил Грин. – И почему для акции внедрения избран именно такой человек?

– Сейчас он умирает, – скупно ответил Белов. – Раули уже давно отошел от дел, он неизлечимо болен и в данный момент лихорадочно занимается поиском покупателя на мертвую колонию, которая несколько лет назад перешла к нему по наследству, после кончины его брата Ричарда Раули.

– Зачем ему деньги? На лечение?

– Нет, Саша. Деньги ему нужны на бессмертие. Он пытается продать колонию и параллельно занимается поиском человека, способного продать ему действующий Логр.

– Понятно. – Грин посмотрел на застывший без движения поплавок и уточнил: – Совпадение желаний и возможностей – это единственный мотив, предполагающий его кандидатуру?

– Нет, – покачал головой Белов. – Все намного сложнее. Во-первых, колония на Гефесте эвакуирована еще полвека назад, когда там иссякли запасы нефти. Климатический контроль над освоенной территорией безнадежно нарушен, силового пузыря, удерживающего годный для дыхания воздух, естественно, давно уже нет, но там остались вполне прилично

сохранившиеся офисные здания, образующие замкнутый комплекс в хорошо укрепленном, труднодоступном месте, а главное – все системы заброшенной колонии по-прежнему связаны со станцией Гиперсферной Частоты, которую приобрел отец этого Кристофера, Вениамин Раули, перед самым закатом нефтяного бизнеса.

– Станция работает? – спросил Грин.

– Она уже два десятилетия находится в режиме глубокой консервации, – ответил Петр Алексеевич. – Работают основные каналы, но это функция самоподдержания автоматики, а не осознанная эксплуатация со стороны людей. За весь период проверки нами отслежены локальные всплески активности, будто кто-то действительно пытался войти в сеть с сервера Гефеста. Мои специалисты говорят, что подобным образом действуют тестовые программы, проверяя исправность ГЧ-соединений.

– То есть о самой станции никто не знает? – уточнил Грин, имея в виду пользователей из обитаемых миров.

Белов откровенно пожал плечами.

– Будем говорить так: о станции планеты Гефест прочно забыли в период последних потрясений. Она официально зарегистрирована в сети Интерстар, имеет мощности, необходимые для поддержания непрерывных виртуальных линий, но двадцать лет бездействия фактически вычеркнули ее из всех списков активных устройств подобного типа.

Грин кивнул. Теперь ему стал понятен ход мыслей генерала. Старая колония, где от прошлой деятельности остались лишь здания и оборудование, станция ГЧ, реактивировав которую можно без лишней огласки скользнуть в виртуальные глубины сети Интерстар, – идеальное место для проведения акции.

– Пусть сознание этого отморозка уйдет в кристалл, а затем в Логрис, – произнес Белов, продолжая прояснять суть задуманного им эксперимента. – Ты же получишь никому не известную базу на планете и станцию ГЧ, откуда начнешь медленное вторжение в Логрис через виртуальный мир Кристофера Раули.

– Конечная цель?

– Проследить его жизнь после смерти, провоцировать его, если он вдруг сам не начнет действовать, и в конечном итоге собрать доказательства того, представляют ли человеческие сущности, очутившиеся там, потенциальную опасность для мира физического. Либо да, либо нет. Либо Логрис – это благо, настоящая вечная жизнь, а я старый параноик, либо мы все дружно строим сцену для собственного, теперь уже окончательно апокалипсиса.

Александр не нашелся сразу, что ответить на последнее утверждение генерала Белова.

«Вторжение в Логрис...» – само по себе это словосочетание несло смысл зловещий, таинственный и... как ни странно, кощунственный, ведь за прошедшее десятилетие человеческая психика выработала новый стереотип: шила в мешке не утаишь, и благодаря упорно циркулирующим слухам в сознании большинства современников Логрис действительно ассоциировался с кладбищем душ, куда пока что попадали лишь избранные. Но никто из смертных не оставлял надежды, что он сможет дожить до той поры, когда начнется массовое производство Логров и заветный черный кристалл получит каждый гражданин Конфедерации Солнц.

Белов понимал это, и вопрос, сформулированный генералом, действительно был невероятно важен. Неспроста он в качестве кандидатуры испытуемого выбрал явно асоциального члена общества, наемного убийцу, для которого человеческая жизнь не значит ничего, кроме тех денег, что он получит за очередной «заказ». Сам факт, что Раули дожил до преклонных лет и теперь умирал от старческой болезни, говорил в пользу того, что душа этого человека черна, как не снилось ни одному харамнину из пресловутой Квоты Бессмертных.

Но, кроме всего прочего, существовали большая межрасовая и межпланетная политика, общественное мнение и негласная борьба между отдельными силами внутри самой

Конфедерации Солнц, поэтому получить санкцию на глубинное исследование Логриса, а в частности – оценить поведение попадающих туда человеческих душ, не позволил бы никто...

Грин искоса посмотрел на Белова.

Петр Алексеевич курил, с отсутствующим видом уставившись на разлапистый шатер крон.

Александра вдруг проняла непроизвольная дрожь.

Генерал жертвовал личным бессмертием во имя того, чтобы в будущем его преемники не попали в очередную, созданную беспечностью ловушку. Неважно, верил он в состоятельность электронной сущности или нет, но жест, сделанный им, нельзя было не оценить. Снятый с шеи Логр на тонкой мономолекулярной цепочке лежал на дощатом столике между початой пачкой сигарет и полупустой бутылкой водки.

Брошенное на доски бессмертие.

Интересно, сколько человек запросто могли бы отринуть все моральные принципы и убить только за обладание данным кристаллом?

Интуиция подсказывала: много.

– Петр Алексеевич... – нарушил Грин затянувшуюся тишину.

– Что, Саша? – Генерал обернулся.

– Я согласен с вашими опасениями, но специалист по виртуальным реальностям из меня, мягко говоря, – никакой.

– Я знаю, – кивнул Белов. – Но в мои планы не входит использовать тебя в качестве виртуальщика. Сколько своих людей ты можешь привлечь к операции?

Грин немного подумал и ответил:

– Одного, кому я доверяю. Капитана Столетова.

– Согласен, – одобрил его выбор Белов, хорошо знавший капитана. – Специалистов-виртуальщиков я уже подобрал, вот только содержать их придется по отдельным клеткам, – неожиданно добавил он.

– Заключенные? – интуитивно предположил Грин.

– Смертники. Те, кому смертная казнь заменена на пожизненную заморозку. Все – хакеры со стажем, достаточно нашумевшие в свое время сетевые преступники. Сам можешь пофантазировать, что натворил каждый из них, если получил «вышку». Сейчас они разбросаны по разным криогенным тюрьмам Конфедерации. В ближайшее время их тела будут извлечены и переданы тебе. Подмена уже организована. Это тот контингент, которого никто не хватится в случае срыва операции. Они не будут знать, где работают и с кем имеют дело. Твоя задача – осуществлять общий контроль, направлять их действия, ограничивая рамки виртуальной свободы. На место их доставят в криогенных контейнерах. Специалистом по реанимации я тебя обеспечу.

– После окончания операции их нужно будет ликвидировать?

– Естественно.

Грин кивнул. Он понимал это. Операция, которую они затевали, нарушала, как минимум, десяток параграфов межпланетных соглашений, и в случае провала или огласки у ее исполнителей будет очень мало шансов выйти сухими из воды. Риск велик, но и цель соразмерна.

– Не передумал? – словно угадав его мысли, спросил Белов.

– Нет... – Александр несколько секунд сидел с окаменевшим лицом, а потом тряхнул головой и добавил: – Нет, Петр Алексеевич. Какими еще я буду располагать средствами?

– Десять человек – неполный взвод охраны, на тот случай если все пойдет наперекосяк. Мои люди, проверенные. Из техники – один списанный войсковой транспорт и два

десятка боевых андроидов для надежности. Вот, пожалуй, весь персонал, которым я смогу тебя обеспечить.

– Какое прикрытие будет у меня и у капитана Столетова?

– Долгосрочные отпуска по семейным обстоятельствам. Дублеров я вам подберу, пусть полетят отдохнуть, на тот же Дион, например. Благо вы оба холостые... – Белов немного помолчал, прокручивая в голове какие-то варианты, но делиться мыслями не стал, а протянул руку и разлил остатки водки поровну, по двум стаканчикам.

– Думаю, теперь можно, – произнес он, вспомнив реакцию Александра на первые предложенные пятьдесят граммов. – Давай, за взлом системы, полковник...

Глава 2.

Где-то в Логрисе. Безвременье...

Смерть была мучительна, но он думал, что обманул ее: Кристофер Раули оказался одним из немногих, кто при жизни сумел купить себе бессмертие – а именно маленький темный кристалл, который именовался странным, непривычным на слух термином «Логр».

Ходили упорные слухи о том, что подобные вычислительно-запоминающие устройства древней расы двухголовых ксеноморфов вскоре должны были стать общедоступным достоянием всей человеческой цивилизации в целом, вне зависимости от того, беден ты или богат, но в случае с Раули критическое значение имели не деньги, а время. Он был неизлечимо болен и знал, что его дни сочтены.

Он знал и то, что Логр не даст ему нового тела, – жизнь после смерти реализовывалась на виртуальном уровне, человек, «ушедший в Логрис», становился существом эфемерным, а если говорить точнее, то не существом, а набором байт, массивы которых хранили в себе память усопшего. Центральное вычислительное устройство, содержащееся в том же кристалле, постоянно «прокачивало» через себя эту виртуальную память, побуждая ее «жить», связываться воедино, – то есть теоретически внутри Логра возрождалась личность. Миллиарды подобных кристаллов образовывали в свою очередь древнюю машину логриан – черный кристаллический смерч, расположенный где-то в глубинах Рукава Пустоты, на полпути между человеческими мирами и открытым десять лет назад шаровым скоплением звезд, где обитали логриане и инсекты.

То была Вселенная во Вселенной, нечто уникальное, неподвластное пониманию простого смертного, который не ходил дальше обычной человеческой виртуалки, похожей по сравнению с Вселенной Логриса на тень, что отбрасывает утонченное произведение искусства.

Впрочем, последнее утверждение, которое слышал Крис от некоторых окружавших его при жизни людей, было явно преувеличено.

В этом Раули смог убедиться, когда умер.

Его сознание с того момента, как он понял, что пришла смерть, прошло три стадии.

Сначала был дикий, животный страх перед кончиной плоти, мучительная агония, затянувшаяся на несколько секунд... или часов?.. Он не помнил точно, потому что понятие времени в роковой момент стерла рыхлость умирающего сознания.

За страхом пришла чернота, в которой был полный, абсолютный покой.

Он не ощущал себя. Он всего лишь помнил, что был Кристофером Раули, человеком только что скончавшимся после долгой, мучительной болезни, а все его представления о мире потустороннем, штампованные понятия религии о рае и аде оказались полнейшей чушью.

Был он, и была темнота.

Сколько он провисел в этом безвременье, Крис также не мог осознать – не было ни точки отсчета, ни мерил времени или пространства. Наконец, когда образ черноты стал неизбежным продолжением сознания, а все воспоминания, связанные с недавней смертью, так или иначе улеглись, он мысленно решил, что зря выложил бешеные деньги за невзрачный кристалл: какая это к Фрайгу жизнь после смерти, если вокруг темно, пусто и... что он теперь так и останется бесплотным духом собственных воспоминаний, висящим в черноте?

Извилистые тропы мысленных ассоциаций по-прежнему, как и в жизни, оставались непредсказуемыми. Крис не испытывал эмоций, но его память хранила в себе воспоминания

о множестве событий, их эмоциональной окраске, а главное – о результатах тех или иных действий.

Мысли рождались мгновенно, зачастую непредсказуемо, словно он спал... да, именно спал, потому что только во сне наш разум, освобожденный от пристального контроля бодрствующего сознания, начинает связывать воедино причудливые фрагменты мысленной мозаики, которые мы называем сновидениями.

Кристофер был человеком логичным. Его не устраивала та каша, что начинала завариваться в голове, как только он предоставил своим воспоминаниям минимальную свободу.

Чернота и бред. Он по-прежнему висел в ней, не понимая, кем стал, но твердо помня, кем был.

Хм... висающим... Висеть должно что-то и где-то...

Он мысленно представил себе вешалку, которая стояла у него дома, и толстый, обезображенный болезнью труп самого себя, подвешенный на ней за шиворот.

Получилось достаточно комично, отвратительно и...

Раули вдруг понял, что его мысль реализовалась.

Вместо куска черноты перед ним стояла вешалка, на которой висел его труп в черном костюме, лакированных туфлях и с какой-то нелепой повязкой на лбу.

В первый момент он не понял, как это произошло. Кристофер пялился на кусок своего собственного бреда, пока наконец его бесплотный дух не осознал, что вешалка и труп действительно сотворены им!..

Это открытие не повергло его ни в шок, ни в буйную радость. Вообще, все воспринималось как-то спокойно, буднично. Трезвый ум оценивал ситуацию, не видя в ней ни комичных, ни ужасных сторон.

Факт. Свершившийся факт.

Чтобы подтвердить его, он убрал вешалку, мысленно сотворил четыре стены, пол, потолок и зажег свет.

Все получилось.

Он по привычке посмотрел себе под ноги и увидел пол. Тела пока что не существовало. Это упущение он исправил быстро и не особо старательно – просто вспомнил самого себя, но уже не в виде обезображенного болезнью, разжиревшего старика, а таким, как он выглядел лет на тридцать раньше.

У него опять получилось, и еще некоторое время он творил. Творил без упоения, без восторга – вообще без эмоций. Скупой обставил комнату, на всякий случай прорезал в стене дверь и пару окон, за которыми кто-то натянул полотнища черноты.

«Интересно, насколько далеко простирается подвластное мне пространство»? – подумал Крис, глядя на плотный мрак.

Он мысленно сосредоточился, и получилось впечатляюще: за левым окном до самого горизонта раскинулась бескрайняя кьюиганская степь, а за правым, как дань противоположности, разлилось море – без видимых глазом берегов, естественно.

Выглядывать за дверь он не стал, усомнившись, сможет ли исправить потом однажды сделанное?

* * *

Дальний космос. Одна из заброшенных колоний сектора Окраины...

Мрачный, плохо освещенный тоннель заканчивался мощной шлюзовой переборкой. Две овальные плиты, между которыми располагался тамбур, запирали выход наружу.

В сумраке давно заброшенного коридора прошелестели шаги, и подле аварийного выхода появилась невысокая девичья фигурка.

Девушку звали Дана. На вид ей можно было дать лет двадцать, не больше. Лицо землистого цвета, спутанные волосы, заострившийся носик и плотно сжатые бескровные губы – вот ее мимолетный портрет, обрисовавшийся в сиротливом свете аварийного плафона.

Шлепая босыми ступнями по холодному скользкому полу, она явно направлялась к шлюзу.

Дана была одета в лохмотья, цвет которых мало отличался от серости ее лица, и потому фигура, как ни странно, казалась гармоничной: у стороннего наблюдателя не возникло бы чувства неправильности, скорее наоборот – девушка явно вписывалась в окружающую обстановку, была сродни ей.

Тонкие бледные пальцы цепко ухватились за побитый ржавчиной штурвал ручного привода, и многотонная плита с надрывным скрежетом начала уползать вбок, подчиняясь усилиям слабых рук.

За первым люком спустя какое-то время пришел в движение второй.

Девушка прилагала усилия спокойно, размеренно, зная, что этого труда ей не избежать. Наконец, когда внешний люк открылся на треть своего хода, она оставила в покое ржавый штурвал, отряхнула саднящие ладошки и боком протиснулась в образовавшуюся щель.

Внешний мир, открывшийся ее взгляду, был мрачен и убог.

Неизвестно, где она чувствовала себя уютнее – внутри прохладного тоннеля, высеченного в толще скал, или под этим пепельно-серым, почти свинцовым небом, среди иззубренных руин, напоминавших о том, что когда-то здесь обитали люди.

Собственно, Дана и немногие ее сородичи являлись потомками тех, кто полвека назад жил и работал в этом городе. Сейчас от внешнего поселения остались лишь голые, постепенно разрушающиеся стены да еще ржавые остовы техники, выросшие в почву там, где их застала ненужность.

Дана спокойно осмотрелась. Ее разум не находил ничего шокирующего в окружающей реальности, потому что рассудок девушки развивался именно тут. То, что ее гипотетической ровеснице с какого-либо цивилизованного мира показалось бы диким убожеством, крайней степенью деградации и нищеты, для Даны было всего лишь нормой жизни, обыденностью.

Протискиваясь в узкую щель приоткрытого люка, она ничуть не задумывалась над теми жестокими извращениями человеческой экспансии, что в конечном итоге привели к факту ее рождения в подземельях покинутой колонии.

Да, кому-то она показалась бы маленьким зверенышем, напаявшим лохмотья, кто-то назвал бы ее грязной, кто-то отвратительной, но ни одно суждение, основанное на внешнем виде, не отражало истины.

Под лохмотьями часто и неровно билось человеческое сердце, под спутанными космами неухоженных волос, в глубине черепной коробки таились мысли, глаза, редко видевшие яркий солнечный свет, смотрели на мир с пытливым, здоровым интересом.

Она прекрасно знала, куда и зачем идет.

После того как ее мать умерла, путь Даны день за днем, независимо от погоды и самочувствия, вел на поверхность. Тут, среди руин заброшенного города она отыскивала не только вещи, способные хоть как-то облегчить быт одичавшего человеческого анклава, – она, еще не успев до конца растерять долю искренней наивности, совмещала приятное с полезным и, кроме полуфункционального хлама, оставшегося от бытовой электроники разрушенного города, искала среди руин еще и кусочек сказки, личного счастья для самой себя.

К этим поискам Дану побуждали легенды, которые она слышала от своих сородичей.

Если обобщить их, то мечта девушки могла быть выражена так: есть за пределами воображения мир, где все счастливы, где все дозволено, где нет узости серых стен, тяжелого

для дыхания воздуха и нудного, морозящего с небес холодного дождя, который нес земле не прозрачные капли живой влаги, а липкие плевки раскисшей вулканической пыли.

День за днем, месяц за месяцем она обследовала один квартал за другим, но редко находила среди вымокших, разграбленных развалин что-то подходящее, полезное для выживания.

Сегодня Дана намеревалась пройти дальше, к возвышающемуся над остальными постройками комплексу зданий, которые менее всего подверглись разрушительному воздействию времени.

На то у нее была особая причина, и сердце девушки невольно обмирало от мыслей о недавнем событии.

Зрение, более привычное к сумраку подземелий, обмануло ее. Высокая многоэтажная постройка, к которой она стремилась, оказалась расположенной не в сотне метров от руин обследованного накануне жилого квартала, а гораздо дальше. За иззубренными огрызками стен открылось более или менее ровное пространство, которое пересекала сеть потрескавшихся, кое-где затопленных дорог, а комплекс зданий, манивший ее взгляд, возвышался на плоскости каменного плато, – естественного природного укрепления с отвесными выветренными стенами.

Она остановилась, прячась за осыпающейся кирпичной стеной крайней городской постройки, и долго разглядывала уступчатую пирамиду, на поверхности которой горели притягивающие взгляд крохотные огоньки голубого и красного цветов.

Дана не понимала их предназначения, но глазу после серых подземелий и покрытых пепельной коростой руин их вид казался приятным. Маленькие солнышки, разбросанные по уступам зданий в неприхотливой симметрии, казались ей каким-то сверхъестественным добрым знаком, означающим, что она на верном пути.

Девушка совершенно не понимала, что это всего лишь габаритные огни многоэтажной постройки – сигналы для спускаемых модулей, которые совершали посадку неподалеку от комплекса на одно из наиболее сохранившихся стартопосадочных полей старого космодрома.

Мечта была так близко и в то же время так далеко...

Она смотрела на изъеденные эрозией отвесные стены, покрытые уступами и трещинами, и представляла, как трудно ей будет карабкаться по ним.

И все же желание заглянуть внутрь расцветенных веселыми огоньками зданий перебороло страх, и она решилась.

Никто не препятствовал ей, когда девушка ступила на потрескавшееся от времени асфальтированное шоссе, которое вело к подножию каменного плато. Справа и слева от дороги легкий ветер гнал свинцовую рябь по поверхности квадратных озер, образовавшихся на месте бывших сельскохозяйственных угодий. Воздух, как обычно, был разным: порывы ветра несли с собой то дуновение тепла, то стылую влажность, и каждый вдох так же разнился по ощущениям – иногда она дышала легко, а бывали моменты, когда вдыхаемый воздух нес неприятные флюиды удушья, и Дана по привычке задерживала дыхание, чтобы ядовитые испарения не проникали в организм.

В отличие от подземелий, где еще работали кое-какие системы очистки и регенерации воздуха, атмосфера на поверхности была капризна, непредсказуема и опасна. Например, отец Даны погиб, попав в густой шлейф ядовито-желтых испарений, которые принес дувавший из-за гор ветер. Мать не раз предупреждала ее о том, сколь опасен для человека внешний мир, но девушка, оставшись одна, уже не была обязана подчиняться родительской опеке. Она автоматически становилась равноправным членом небольшого анклава, чьи предки по каким-то причинам пропустили момент эвакуации колонии.

Вообще в мыслях Даны не присутствовало сложных понятий и терминов, связанных с техногенной цивилизацией. Ее мир был прост, круг забот ограничивался проблемами элементарного выживания, и, наверное, потому она несла в своей душе некую чистоту помыслов, недоступную тем, кто родился и вырос в урбанизированных джунглях городов-мегаполисов.

Прошлепав босыми ногами по шоссе, она остановилась перед дилеммой: как двигаться дальше? Старая дорога обрывалась у подножия скалистого возвышения. Очевидно, ранее тут был тоннель, но теперь от него остались лишь два бетонных крыла ограждений да засыпанное бесформенными обломками устье.

В этой ситуации можно было избрать два варианта: ступить в черную стоячую воду и попытаться обогнуть возвышенность в поисках привычной человеческим ногам дороги, но заиленные глубины квадратных озер пугали ее больше, чем отвесные потрескавшиеся скалы, и потому Дана, немного постояв в нерешительности, избрала второй путь, решив карабкаться вверх.

У нее не было никаких навыков альпинизма, поэтому девушка не боялась. Зачастую страх – это порождение опыта, недаром те, кому доводилось прыгать с парашютом, сходятся во мнении, что наибольшей храбрости требует не первый, а второй прыжок.

Уцепившись руками за подходящий выступ выветренной скалы, она нашла опору для босых ног и начала медленно карабкаться вверх, перелезая с уступа на уступ.

По стечению обстоятельств ее восхождение к комплексу зданий бывшей резиденции господ Раули состоялось незадолго до прибытия на Гефест группы полковника Грина и пятерых его подопечных.

Сейчас в этих зданиях хозяйничали машины, занимающиеся переоборудованием комплекса и монтажом аппаратуры для будущих операций.

Сама того не ведая, Дана, которая являлась представительницей энного поколения брошенных на Гефесте колонистов, своим появлением на вершине одинокой горы положила начало целой цепи непредсказуемых событий.

* * *

Продвижение в глубины космического пространства, которое в среде людей принято называть емким термином «экспансия», породило свои законы и правила, соблюдение которых не вызывало сомнений и не обсуждалось, потому что новые для человека принципы диктовали не сами люди, а иные реальности, которые предлагал дерзнувшему вторгнуться в его пределы космос.

Мы не заметили того момента, когда вновь начали эволюционировать, подчиняясь принципам, обоснованным еще Чарльзом Дарвином на далекой планете Земля.

С момента старта первого колониального транспорта, покинувшего границы Солнечной системы, вновь началась эволюция человечества: борьба за выживание вида, но теперь к мутагенным факторам бесчисленных внешних сред подключился некий научный потенциал, способный осознанно влиять на процесс выживания людей в тех или иных условиях новоиспеченных колоний.

Космос нещадно истреблял слабых, глупых и неподготовленных, оставляя в живых лишь тех, кто действительно мог противостоять новым условиям обитания, видоизменяя окружающую среду или видоизменяясь сам под прессингом экзобиосфер.

Перед первыми колонистами, покидавшими Землю на утлых колониальных транспортах, стояли задачи на выживание, содержащие бесконечное количество неизвестных величин.

Первый факт, с которым пришлось столкнуться поселенцам, ступившим на иные миры, формулировался так: Вселенная не враждебна к людям, но и не создана для них. Она равнодушна, мертва, подчинена незыблемым законам, лишь малая часть которых играет на руку самонадеянным, экспансивным существам, решившим покинуть выносившую их колыбель.

В обозримом галактическом просторе не нашлось ни одной планеты, где человек, спустившись по трапу космического корабля, почувствовал бы себя как дома. Этот непреложный факт сразу же разделил нарождающиеся колонии на две основные ветви. Первую представляли те, кто попал на планеты, не идентичные, но схожие с Землей. В этом случае, за редким исключением гармоничного синтеза, видоизменялась биосфера колонизированной планеты, происходило так называемое «терраформирование». Люди на таких мирах фактически не изменились, приспособив окружающую среду под свой метаболизм.

Вторая ветвь колонизации более трагична с точки зрения базовых понятий добра и зла.

Зачастую колониальные транспорты совершали посадку на поверхность миров, биосферы которых содержали нужный процент кислорода, а вот все остальное, начиная от местных протеинов и заканчивая химическим составом воды, воздуха и почвы, являлось если не ядом, то, как минимум, непригодными для немедленного использования субстанциями.

Эволюционные процессы, дремавшие в человеке с той поры, как вид *Homo Sapiens* стал доминирующим на Земле, включились вновь, но уже в глубоком космосе, на иных планетах, где в отличие от прародин у людей появилось бесчисленное множество проблем и врагов.

В условиях скоротечных схваток за выживание мутации происходили достаточно быстро, иногда в течение одного-двух поколений. Зачастую полезные эволюционные процессы ускорялись искусственным путем. Там, где чуждая природа оказывалась наиболее жестокой по отношению к человеку, в дело вступали генная инженерия и подчиненные ей науки.

С выходом в глубокий космос люди сильно видоизменились, как внутренне, так и внешне, но, памятуя о своем истинном происхождении, старались скрыть приобретенные мутации.

Затем, по прошествии нескольких веков после Первого Рывка великой экспансии, когда заселенные планеты, пережив Первую галактическую войну, стали вновь объединяться, образовав Совет Безопасности Миров, наступила эра глобальной компьютеризации. Без машин, а тем более без виртуальных систем связи человечество уже не могло существовать как единое целое. В этих условиях машины, по сути, эволюционировали вместе с людьми: они становились все более сложными, изощренными и для эффективного управления ими требовались новые средства коммуникации.

Самым действенным средством связи между человеком и машиной был признан так называемый «нейросенсорный контакт» – прямая связь человеческого мозга с управляющей сервисной оболочкой той или иной кибернетической системы.

Поначалу эти устройства были громоздки и зачастую опасны для жизни. Первые гнезда для подключения биоинтерфейсов, которые получили распространенное название «имплант», стали вживлять младенцам в роддомах, но эта практика, существующая и по сей день, могла быть давно заменена более эффективным и неприметным устройством.

Мы всегда мечтали получить способность к телепатии. Этой мечте о реализации общения двух людей на уровне мысленного диалога так и не суждено было сбыться, но зато нечто подобное оказалось возможно при общении человека и машины.

Грубые, неудобные импланты, с механическим разъемом, к которому обязательно прилагался гибкий соединительный шунт из оптико-волоконного кабеля, все еще бытовали в среде пользователей многих миров, но параллельно им уже давно существовала абсолютно новая разработка, которая не получила широкого распространения по простой причине:

открытие и внедрение нового вида имплантов произошло в лабораториях печально известной Зороастры – планеты, преступившей галактический закон и зачищенной силами межзвездного патруля Совета Безопасности Миров.

* * *

Историческая справка:

О Зороастре ходили жуткие слухи, но в основном они не являлись истиной или содержали лишь малую ее часть.

Поначалу планету, получившую столь странное, ассоциативное название, связанное с идеей вечной борьбы добра и зла, населяли выходцы, или точнее сказать – изгнанники с Грюнверка. Тысячу лет назад исконная биосфера данного мира представляла собой сонмище враждебных человеку биологических форм, и казалось странным, что подобное место решились заселить люди от науки, совсем не бедные ученые, чьим призванием являлись экзобиология и генная инженерия.

Как выяснилось позже, переселенцами стали ученые, не признанные на исторической родине. Изначально Грюнверк колонизировали этнические немцы. Руководство колонии, организованное на первых порах по военизированной схеме, придерживалось идеи строгой дисциплины среди сограждан и имело свой взгляд на то, каким образом должен формироваться синтез человека с его новой средой обитания. Однако часть ученых-экзобиологов имела иное мнение относительно существующего положения вещей, и в конечном итоге возник конфликт. Официальные власти Грюнверка не просто запретили любые опыты над исконными формами жизни, но и начали массовое преследование несогласных с подобным запретом представителей науки.

Тогда они бежали в этот мир.

Название планеты родилось сразу. Существовала историческая запись в бортовом журнале головного колониального транспорта, в которой капитан корабля писал, что если взять все известные ему живые формы, умертвить их, тщательно перемешать и возродить в качестве тупых и кровожадных зомби, то получится приблизительное сходство с самой безвредной тварью этой адской планеты.

Однако ученые-поселенцы не боялись враждебной биосферы. Наоборот, они жаждали доказать всему свету, что их методы способны трансформировать данный ад в пригодное для жизни человека место, не выжигая при этом под корень исконные формы жизни, а лишь видоизменяя их путем генной инженерии.

Нужно отметить, что на этом этапе они преуспели. В течение нескольких поколений биосфера планеты действительно изменилась до полной неузнаваемости. Там, где сотню лет назад человек подвергался постоянному риску быть разорванным на куски, отравленным либо инфицированным, беспечно резвились теперь правнуки первых поселенцев.

Исконная жизнь сохранилась практически повсюду, но теперь она несла не агрессию и вред, а вполне конкретную, ощутимую пользу. Дело в том, что становление Зороастры происходило в конце Первой галактической войны, как раз в период полного разрыва всех торговых галактических связей. Поселенцы испытывали острейшую нужду в планетарной технике, но не имели при этом никакой промышленной базы. Вполне естественно, что в такой ситуации наука, основу которой составляла генная инженерия, нашла простой и очевидный для экзобиологов выход.

Местные монстры один за другим превращались ими в необходимые машины. Это можно было признать чудом, если наблюдать процесс изнутри, вникая в него постепенно. Но два космических корабля торговой компании, посетивших Зороастру в период восстановления галактических связей, после вынужденной двухсотлетней изоляции планеты, по

сути, открыли ее заново и... принесли весть о чудовищном, извращенном во всех отношениях мире, реальность которого превосходит любой фантазмагорический бред.

Людам свойственно бояться всего отталкивающего и непонятного. И также многим присуще стремление прятать свой страх под личиной надменности и презрения.

Так родилась изоляция Зороастры в «цивилизованном» мире. Но не в мире преступном.

Планета по-прежнему остро нуждалась в технологиях, инструментах, промышленных роботах и космических кораблях – во всем, чего не могла произвести или вырастить сама.

Населению Зороастры было абсолютно безразлично, кто доставит им необходимые товары. Им даже импонировали люди, которые удивлялись, восхищались, пугались, но не выказывали своего презрения к ним.

Вполне естественно, что контрабандная торговля расцвела на этой планете с невероятной скоростью. Отсюда шел экспорт таких чудовищных ксеноморфов и полученных на их основе живых машин, что практически девяносто процентов подобных образчиков не получали официального разрешения на ввоз в другие миры.

Однако это не останавливало предприимчивых теневиков.

Бизнес расширился, захватывая все новые и новые миры.

Правительства десятков планет, поначалу просто выражавших свою озабоченность, увидели в этом серьезную угрозу. Зороастра стремительно и неумолимо становилась криминальным галактическим центром. Сюда бежали преступники и изгои, авантюристы и помешанные, непризнанные гении и военные преступники.

Незадолго до того, как прадед Кристофера Раули приобрел участок Гефеста, Совет Безопасности Миров решил нанести превентивный удар по преступной планете, чтобы раз и навсегда уничтожить очаг несовместимых с законами Конфедерации технологий.

* * *

Зороастру сожгли вместе с уникальными лабораториями, где осуществлялись бесчеловечные опыты в области генной инженерии. Жители планеты, которые на протяжении веков подвергались искусственным мутациям, казались остальным людям монстрами, а непосредственно владельцы лабораторий – преступными извращенцами, и в некотором смысле общественное мнение не ошибалось, но трудно сказать, сколько рациональных зерен сгорело во время планетарной зачистки вместе с плевелами антигуманных технологий.

И все же некоторые из них уцелели благодаря тому, что с планеты перед началом зачистки была эвакуирована часть населения, которая подверглась наименьшему воздействию генных технологий...

...Этот шаг в сторону, короткий экскурс в историю Зороастры, напрямую связан с девушкой, карабкавшейся в этот момент по выступам и трещинам выветренных скал.

Прабабка Даны являлась беженкой с зачищенной силами межзвездного патруля планеты, и в силу этого геном девушки, родившейся уже тут, на Гефесте, содержал в себе несколько любопытнейших изменений, которые как закрепившаяся мутация были переданы ей по наследству.

За спутанными прядями волос, позади обеих ушных раковин, у Даны прятались видоизмененные участки кожи. Они были отдаленно похожи на обычные механические импланты, но не являлись ими по природе своего возникновения – на Гефесте, покинутом цивилизацией полвека назад, некому было заботиться о новорожденных членах общества, вживляя им устройства, без которых не мыслил себе существования ни один человек в развитом мире.

То, что таилось за ушными раковинами девушки, родилось и выросло вместе с ней как неотъемлемая составная часть ее организма. Информационный участок ДНК, ответствен-

ный за формирование этих органов, был искусственно внедрен ее прабабке в одной из лабораторий Зороастры.

Дана носила в себе генетические импланты: органы, позаимствованные у экзобиологической формы жизни одной из планет и искусно адаптированные к человеку в лабораториях Зороастры. По своей функциональной сути импланты Даны были предназначены для мысленного контакта с машинами, дистанционного вхождения в сеть, но не посредством куска глянцевитого кабеля, соединяющего человеческий имплант и соответствующее гнездо сетевого терминала, а при помощи незримого излучения инфракрасных либо ультразвуковых волн. Имплантов было два, и оба устройства, сформированные из живых тканей, имели не только связь с полушариями мозга, но и собственные группы нейронов, которые, по аналогии со средствами автоматики человеческого организма, выполняли раз и навсегда закрепленную за ними функцию. Они преобразовывали результат мысленных процессов в понятный машине сигнал, излучаемый в зависимости от обстоятельств либо в инфракрасном, либо в ультразвуковом диапазоне.

Все описанные усовершенствования, о которых девушка узнала от своей матери, внешне выражались лишь в том, что ее височные области казались немного припухшими, но даже и эту едва приметную деформацию скрывали длинные пряди волос.

Никто и ни к чему не готовил Дану специально.

Она выросла здесь, среди руин и отравленной атмосферы, на участке сначала преобразованной, а затем брошенной за ненадобностью котловины, где несколько веков назад плескалось солоноватое море, из которого, не приди сюда люди, вполне могла бы развиться своя, уникальная жизнь данной планеты.

Вот так в сложном современном мире переплетались обстоятельства и судьбы.

Из смутных рассказов и легенд, бытующих среди жителей городских подземелий, Дана вынесла лишь одно: она поняла, что где-то существует более привлекательный мир, в котором все обстоит совсем по-другому, и ее не испорченная цивилизацией, чистая и достаточно наивная душа искренне стремилась отыскать этот мир мечты.

Пока что в поисках лучшей доли ей удалось содрать в кровь пальцы рук и ног да здорово проголодаться, продвинувшись всего на десяток метров вверх по выветренной скальной стене.

* * *

Восхождение по отвесной стене заняло у Даны пять с половиной часов.

Когда ее кровоточащие пальцы уцепились за край скальной площадки, на которой располагался комплекс маневших ее зданий, девушка настолько обессилела и натерпелась такого страха перед бездной, что все мечты улетучились из ее бедного, безрассудного разума. Пальцы дрожали, грозя вот-вот сорваться, соскользнуть с опоры на последнем усилии, но все же она преодолела пограничный выступ скальных пород и в изнеможении распростерлась на холодном камне, не в силах более пошевелить ни одним мускулом.

Смотреть вниз на пройденный путь было страшно – от высоты начинала кружиться голова, а к горлу тут же подкатывала тошнота, поэтому, как только судорога немного отпустила перетруженные мышцы, Дана первым делом инстинктивно отползла от края пропасти.

О том, каким образом она спустится обратно, вниз, не хотелось даже и думать. Теперь рассказы о тех счастливых случаях, которые находили свой мир забвения среди оставшихся от колонии руин, уже не казались ей такими заманчивыми и правдивыми. После изнурительного восхождения она чувствовала лишь одно: воздух на высокогорье был еще более прогорклым, чем внизу. Вливаясь в легкие, он резал грудь спазматической болью.

Дана приподняла голову и огляделась, понимая, что попала в ловушку. На скальной возвышенности оказалось намного больше ядовитых испарений, которые смешивались с кислородосодержащей атмосферой котловины, проникая через ущелья кольцевых гор вместе с дующими от раскаленных вулканических равнин ветрами...

Стесненность дыхания заставила ее собрать остатки сил, встать и, пошатываясь, направиться в сторону открытых дверей ближайшего здания.

Вокруг постепенно начало темнеть, приближался вечер, а у нее во рту с самого утра не было ни крошки.

Из-за быстро сгущающихся сумерек мир небольшого, плотно застроенного плоскогорья показался ей зловещим и таинственным, повсюду сияли эти мертвые, разноцветные огни, а за распахнутой дверью здания в коридоре горел тускло-желтый свет, но и он не вызывал доверия у измученной искательницы приключений.

Некоторое время она провела в нерешительности. Ее скудный жизненный опыт, ограниченный приемами выживания внизу, где тускло флюоресцирующий плафон под сводом канализационного тоннеля являлся едва ли не единственным признаком цивилизации, ничем не мог помочь ей тут, на пороге внезапно ожившего комплекса зданий.

В конце концов верх взяли не страх или здравый смысл, а усталость и резь в груди. Долго дышать таким воздухом нельзя – это она знала не понаслышке.

Очередной раз закашлявшись, Дана уже не пошла, а побежала к приоткрытым дверям здания, откуда на крыльцо падала узкая полоса желтоватого света.

Это место по-прежнему внушало ей страх, но природа этого страха была не материальной, а скорее мистической. У современных жителей котловины, обитавших в подземных коммуникациях разрушенного города, не было естественных врагов, кроме противных и вездесущих крыс, которые при сбоях в системах очистной гидропоники частенько становились одним из источников пищи.

Дана не понимала очень многих аспектов своего существования. Она не знала истории возникновения этого места, и ее память не содержала в себе трагических воспоминаний о том, как из брошенной колонии стартовал последний космический корабль, оставив тут горсть несчастных, которым не хватило места на перегруженном транспортном челноке. Это были самые бедные и неудачливые обитатели терраформированной котловины, чьи предки прилетели сюда работать по найму, завлеченные на Гефест рекламными посулами Генриха Раули.

Оставшись в одиночестве после эвакуации колонии, люди, брошенные на произвол судьбы, пытались выжить как могли, постепенно отступая под прессингом ядовитых вулканических испарений в глубь подземных коммуникаций города, где автоматика очистных сооружений по-прежнему пыталась перерабатывать отходы городской жизнедеятельности, сначала разлагая их на простые химические элементы, а затем вновь соединяя, но уже в полезные, необходимые для жизни продукты, такие, как дистиллированная вода, обогащенный кислородом воздух и некоторые простейшие протеины.

Естественно, что среди брошенных на Гефесте рабочих не оказалось специалистов высокого класса, и маленькая колония прозябала в недрах канализационных систем, медленно, но верно сокращаясь в своей численности.

Нужно сказать, что прабабка Даны была не единственным эмигрантом с Зороастры. Разгром планеты, который осуществил патруль Совета Безопасности Миров, произошел в том году, когда Генрих Раули основал колонию на Гефесте. Относительное соседство двух звездных систем, имевших единый перевалочный транспортный пункт на Аллоре, где сосредотачивались все пассажиры и грузы с близлежащих систем сектора Окраины, сыграл в этом случае немаловажную роль.

Акция патруля получила в то время широкую огласку: о Зороастре и ее генных инженерах, осуществлявших чудовищные опыты над людьми, узнала вся обитаемая Галактика. Неудивительно, что беженцы с этой планеты застряли в карантинном секторе Аллора без особых надежд на то, что их примет к себе какая-либо цивилизованная планета, ведь мнение граждан, зачастую лишь поверхностно владеющих вопросом обсуждения, формируется в основном с подачи средств массовой информации.

Естественно, никто не хотел иметь дело с этими «выродками», хотя беженцы с Зороастры не являлись преступниками, которых преследовал межпланетный закон, – в большинстве они были обыкновенными рабочими и служащими, исполнявшими незначительные, рутинные работы в тех самых зловещих лабораториях.

Генрих Раули, основатель колонии на Гефесте, как раз заканчивал в тот момент оформление бумаг по приобретению известного участка планеты и параллельно искал рабочую силу для зарождающейся нефтедобывающей отрасли. Прадед Кристофера был человеком без комплексов, к тому же он сильно поиздержался на приобретении Гефеста и у него не осталось средств для закупки ультрасовременного автоматизированного оборудования, способного заменить людей на буровых вышках, поэтому он не стал долго раздумывать, когда понял, что в карантинном секторе Аллора вот уже несколько месяцев кряду безо всяких надежд на будущее прозябают сотни беженцев с разгромленной Зороастры.

Он нанял их за гроши и вывез на Гефест, оставшись очень доволен своей финансовой изворотливостью.

* * *

...Сумерки постепенно перешли в непроглядную ночь, но внутри комплекса зданий благодаря тусклым лампам дежурного освещения этого не замечалось.

Дана, дрожащая и голодная, прошлепала босыми ногами по пластиковому полу коридора и остановилась перед лестницей эскалатора, который вел на следующий уровень постройки.

Ей было страшно и неудобно. Несмотря на относительную чистоту вокруг, тусклый свет и нежный шелест регенераторов воздуха, девушка сейчас предпочла бы оказаться в узких и отнюдь не стерильных ответвлениях канализационных тоннелей, расположенных под руинами города.

Дана действительно боялась.

Страх холодным, неприятным язычком облизывал ее сердце, заставляя его биться неровно и учащенно. За полвека в подземных поселениях города сменилось три поколения жителей, и если первые прекрасно помнили о том, что такое «цивилизация» вкупе со всеми ее техническими достижениями, то третье поколение вынужденных поселенцев, к которым относилась Дана, давно утратило эти знания, и в воображении испуганной девушки комплекс офисных зданий, недавно реанимированный после полувекового забвения, казался местом мистическим.

Она не стала подниматься по застывшим ступеням эскалатора, а, немного постояв в нерешительности, направилась по боковому проходу, уводящему в глубь первого этажа построек.

Наверное, так ощущали себя первые исследователи египетских пирамид, когда им удалось отыскать вход в загадочный комплекс древних сооружений и проникнуть внутрь, в царство теней, где каждый сантиметр поверхности нес в себе дыхание прошлого...

В глубинах тускло освещенного коридора внезапно послышался тонкий, неприятный, ноющий звук.

Дана инстинктивно прижалась к стене, ощущая спиной каждый выступ декоративной облицовки.

Из сумеречных глубин к ней приближалось нечто злое, звук становился все четче, ближе, и, наконец, в тусклом свете дежурных плафонов она увидела человекоподобную фигуру.

Девушка в инстинктивном жесте зажала обеими ладонями рот, чтобы не закричать.

Металлический человек остановился в полуметре от перепуганной Даны, его голова повернулась в ее сторону с характерным визгом сервомотора, и глаза-объективы устали на сжавшуюся в комок девушку своими холодными немигающими зрачками.

Ее сердце продолжало запылочно биться в груди, норовя не то проломить грудную клетку, не то просто выскочить через горло.

Сейчас этот чудовищный металлический истукан просто прильнет к ней...

– Вы заблудились, мэм? – ворвался в ее мысли синтезированный компьютером голос. – Пищеблок расположен прямо по коридору, помещения для отдыха личного состава в секторе номер два. Я готов проводить вас.

Дана стояла, в полном смысле окаменев.

Она не понимала, как это металлическое подобие человека смогло угадать, что за всепоглощающим пологом ужаса в ее чувствах действительно скрываются усталость и голод, которые временно отошли на второй план под влиянием неожиданного стресса, порожденного данной встречей.

Дана очень многого не знала о себе.

Генные инженеры Зороастры, совершенствуя тело ее прабабки и внося показавшиеся им удачными изменения в геном подопытной женщины, пытались создать наследственность, которая несла бы в себе прирожденные функции управления простейшими кибернетическими системами, к категории которых прежде всего относились бытовые дроиды. Этот экземпляр, что до смерти напугал Дану, воспринимал сейчас интенсивное излучение, исходящее от ее имплантов сразу в двух доступных для сенсоров машины диапазонах: инфракрасном, то есть тепловом, и ультразвуковом. Человек, прижавшийся к стене, был напуган, хотел есть и находился на грани крайнего физического истощения.

Ситуация разрешилась самым тривиальным образом: не выдержав нервного напряжения, Дана потеряла сознание от страха, и ее тело медленно оползло по стене.

Человекоподобный робот подошел к ней, на несколько секунд склонился над девушкой, сканируя ее биоритмы, а затем легко поднял на руки безвольное тело и понес наверх, в глубь коммуникаций третьего яруса, – оказывать первую медицинскую помощь, кормить через капельницу и дать выспаться, восстанавливая неизвестно куда и зачем потраченные силы.

Одним словом, машина с ее логикой и трогательной привязанностью к человеку, которую программисты умудрились тонко и ненавязчиво провести как основной программный лейтмотив действий дроидов данного класса.

* * *

Она проспала около двух суток.

Причиной такого длительного отдыха было не пятичасовое восхождение по отвесным скалам – просто организм Даны на самом деле оказался критически истощен той жизнью, что вела девушка в заброшенных подземельях разрушенного города, и данный факт, естественно, не могла проигнорировать та машина, заботам которой поручил девушку повстречавший ее дroid.

Комплексный медицинский аппарат, установленный в спальне самого Вениамина Раули, последнего представителя семьи, который правил колонией непосредственно отсюда, оказался вполне исправен, несмотря на полвека, прошедшие со дня его последнего включения. Этот агрегат относился к разряду аппаратуры, которая не требует ежедневного ухода со стороны людей или обслуживающих механизмов. После тысячелетия непрерывающегося продвижения в космос люди научились наконец конструировать всю свою технику, исходя прежде всего из принципов полной автономии, сверхнадежности и обязательного наличия в любом приборе функций самоподдержания. Только безумец в эру космических путешествий и освоения новых планет мог позволить себе пользоваться дешевыми одноразовыми приборами, основанными на принципе: попользовался и выкинул.

«Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи», – эта здравая мысль, высказанная в далеком прошлом, приобрела спустя века иной смысловой оттенок, – она эволюционировала вместе с людьми и теперь звучала приблизительно так: «Мы не настолько беспечны, чтобы пользоваться дешевой аппаратурой».

Неудивительно, что Кристофер Раули, назначивший свидание с покупателем колонии непосредственно на Гефесте, прилетев сюда за несколько дней до встречи, смог с легкостью реактивировать все системы плотно запечатанного до этого момента комплекса офисных зданий.

Более того, заметив на этажах несколько мумифицированных трупов незваных визитеров, каким-то образом сумевших проникнуть через периметр охраняемой территории офиса, он, чтобы не портить впечатление гостя, который должен был прилететь сюда вслед за ним, включил все циклы поддержания чистоты помещений, контуры внутренних систем жизнеобеспечения офисных зданий и, уже практически не сомневаясь в том, что сделка состоится, снял все изошренные коды управления и доступа с компьютерных систем главной резиденции трех поколений Раули. Это была явная любезность по отношению к новому хозяину Гефеста, потому что Вениамин Раули, скончавшийся в этих стенах, страдал перед смертью целым набором психозов и маний, что сильно осложнило первые дни пребывания в офисе самому Кристоферу.

Промучившись с паролями, кодами доступа и программными ловушками, понасованными отцом в каждую электронную дверь или управляющий компьютер, он в конце концов обозлился и реактивировал всю компьютерную систему зданий, сбросив все настройки доступа в нулевое положение, с которым техника поступает к пользователю с завода-изготовителя.

Дальше события развивались своим чередом.

Сделка действительно состоялась, Кристофер Раули получил вожаемый кристалл и отбыл с Гефеста, а новый хозяин колонии не собирался трогать автоматику офисных зданий, потому что знал: колония пуста, мародерничать тут некому, все животные, завезенные сюда с иных миров, давно сдохли, а сам комплекс в течение ближайшего времени будет радикально перестроен и перепрограммирован сообразно с его новым предназначением.

Капитан Столетов оставил все, как есть.

В логике его действий была допущена одна ошибка: на Гефесте все еще жили люди, и Дана, спящая сейчас в постели Вениамина Раули, являлась прямым тому подтверждением...

...Проснувшись, она пережила мгновенный испуг – остаток того глобального страха, который предшествовал провалу беспамятства. Открыв глаза, Дана увидела богато инкрустированный пластиковой имитацией лепнины потолок с вмонтированным в него зеркалом, которое отражало ее саму, съежившуюся под синтетическим одеялом, испуганную, бледную...

Несколько секунд она смотрела на свое отражение, не смея шевельнуться, но вокруг стояла успокаивающая тишина.

Справившись с первым приступом страха, девушка понемногу расслабилась и, стараясь не шевелить головой, скосила глаза, оглядываясь по сторонам.

Комната была просторной, чистой, ее наполняло множество непонятных предметов мебелировки, но внимание Даны прежде всего привлекло окно.

Огромное три на два метра электронное окно, занимавшее всю стену напротив кровати.

За ним простиралась бескрайняя степь, покрытая цветущим травостоем, а вдали, у самого горизонта, смутно очерчивались контуры какого-то простенького строения.

Дана лежала, мгновенно позабыв о своем страхе и с любопытством всматривалась в виртуальную панораму.

Она знала, что на Гефесте нет и никогда не было подобных ландшафтов. Куда в таком случае вела эта зеленая, цветущая равнина?

Мысленно сформулированный вопрос, сильный подсознательный порыв, стремление узнать – что же это за удивительное пространство простирается за плоскостью экрана? – сработало как спусковой механизм ее врожденных способностей, переданных наследственным путем от прабабки, но дремавших до недавней поры по причине полной электронной несостоятельности окружавших подземный мир девушки канализационных труб.

Дана неотрывно смотрела в стереоглубины электронного окна, и ей казалось, что ее разум медленно погружается, входит в это пространство, которое, усугубляя стереоэффект, вдруг подалось навстречу, начало охватывать ее со всех сторон, порождая иные перспективы.

На самом деле в этот момент происходило следующее: желание Даны узнать, что находится в виртуальном пространстве за электронным окном, было осознано ее мозгом. Возникшее возбуждение образовало устойчивую связь между корой полушарий и доставшимися девушке по наследству аномальными группами нейронов, расположенными в височных областях. Те, в свою очередь, преобразовали мысль человека в форму понятных для любой машины кодов и транслировали их в диапазоне инфракрасной и ультразвуковой связи.

Приемное устройство сетевого терминала, расположенного в этой же комнате, было снабжено инфракрасным портом. Система приняла внешнюю команду пользователя, и теперь уже в недрах компьютерного комплекса начались процессы активации программ.

Дана лежала, завороченно глядя в глубины электронного окна, а на крыше офисного здания пришла в движение параболическая антенна спутниковой связи, нацеливаясь на невидимую отсюда станцию Гиперсферной Частоты планеты Гефест, системы которой реактивировал капитан Столетов.

Сигнал, посланный поисковыми программами в сеть Интерстар, прошел мгновенным набором байт по каналам внепространственной связи, и наконец...

* * *

Нейросенсорный контакт

Вхождение в сеть посредством едва осознанного волевого усилия... именно к такому эффекту стремились генные инженеры несуществующей теперь Зороастры... и их замысел оказался реализован спустя три поколения после того, как прабабке Даны был имплантирован ген, ответственный за формирование биологических имплантов!..

Однако события не ограничились тривиальным контактом с сетью Интерстар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.